

1723-1
5

Гос. Орд. Тр. Нр. Знам.
Публичная Б-на
ВТД. НАЦ. ЛИТ-РЫ

УДАРНИК

литературно-художественной
да общественно-политической
КОМИЖУРНАЛ

2

1940

У Д А Р Н И К

Обязательный
контрольный экземпляр

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ДА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
КОМИ ЖУРНАЛ

ОТДЕЛ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ЛЭДЗЁ КОМИ АССР-са СÖВЕТСКОЙ
ПИСАТЕЛЬЯСЛÖН СОЮЗ

№ 2

ФЕВРАЛЬ 1940 ВО

У Д А Р Н И К

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
КОМИ ЖУРНАЛ

ОРГАН ССП КОМИ АССР

№ 2

ФЕВРАЛЬ 1940 ГОД

И. В. Сталин да К. Е. Ворошилов.

УДЖАЛЫСЬ ЙӖЗӖС МЕЗДАН АРМИЯ

Февраль 23-ӧд лунӧ 183 миллион лыда став советской народ празднуйтӧ героической Красной Армиялысь 22 вося годовщина.

Тайӧ воын Красной Армиялысь лун празднуйтӧм нуӧдсьӧ сложной международной обстановкын. Война ӧзтысьяс кыскисны мирӧс выль империалистической бойняӧ. Англо-французской империалистъяс ӧзтисны войнанысь пӧжарсӧ Европаын. Англо-французской блокӧн тайной да явной дипломатъяс рышитӧны мир пасьта, грӧзитӧмӧн да подкупъясӧн выль и выль народъясӧс, выль и выль странаясӧс войнаӧ асланыс дор да асланыс интересъяс вӧсна кыскисны зыльӧмӧн.

ЙӖз щӧт выль озырмыны радейтисьяс—Англияса да Францияса империалистъяс—уна во чӧж кӧдзисны Германия да СССР костын раздор да мечтайтлӧсны зурӧдны тайӧ кык великой государствосӧ. Тайӧ налы эз удайтчы. Англияса да Францияса империалистъяс ӧнӧ лӧдзисны цеп йы-

лысь маннергеймовской бандаясӧс, Советской Союзлы паныда тышын найӧс асланыс оплотӧн вӧчӧмӧн.

Красной Армия выступитис Финляндской Демократической Республикаӧн отрядъяслы отсӧг выль да героическӧя грӧмитӧ Рютислысь—Таннерлысь—Маннергеймлысь бандаясӧс, финской народлӧн кровавой палаच्याслысь бандаясӧс.

СССР-лы паныда тышлысь войвывса плацдарм быднӧн паськӧдӧмӧн, англо-французской империализм мырдысь зыль кыскисны Советской Союзкӧд войнаӧ скандинавской странаясӧс—Швециясӧ да Норвегиясӧ.

Война ӧзтысьяс, Советской Союзлӧн ӧтъявленнӧй врагъяс, демократиялӧн, прогресслӧн врагъяс ӧддзӧдӧсны бешенной антисоветской кампания. Подлӧй лӧж, наглӧй клевета, чудовищной вымыслъяс—ставсӧ паськӧдӧма миянлы паныд. Абу сэтшӧм лӧжыс, сэтшӧм злостной вымыселыс, кодӧс эськӧ найӧ эз паськӧдны СССР йылысь да сылӧн Красной Армия

йылысь. Буржуазной прессалон ѳти сѳтшѳм измышление йылысь Ворошилов ѳрт ВКП(б) XV съезд вылын аслас выступлениеас висѳталіс: „Мый тайѳ, сюрс да ѳти войысь мойдкыв али жѳ сумасшедшейлѳн сѳрѳм? Мелыддя, мый тайѳ эм подлѳй наглостѳлѳн, гарантированной безответственностилѳн да безнаказанностилѳн да, медся главнѳйыс, европейскѳй да американскѳй буржуа животнѳй полѳмлѳн ѳтлаасѳм“.

Ѳні, социализмлѳн великѳй страна водзын да сылѳн непобедимѳй Красной Армия водзын тайѳ жѳ животнѳй полѳмыс вѳсна, англо-французскѳй буржуазия кисьтѳ помтѳм клевета да лѳж.

Ѳветскѳй Союзѳс тадзи травитѳмыс кутіс сымын чорыджыкѳн лѳны, кымын ыджыджыка быдмѳ капитал странаясын уджалысь йѳзлѳн недовольствоыс империалистическѳй война ѳзтысыслѳн политикаѳн. Империалистѳяслѳн кокуланыс сотчѳ муыс. Францияын, Англияын, США-ын кыпталѳны забастовкаяс, уджалысь йѳз гневнѳя протестуйтѳны войналы паныд, дороговизналы паныд, политическѳй гнетлы паныд.

Став мирын быдмѳны симпатияс Ѳветскѳй Союз дінѳ—единственнѳй

страна дінѳ, кодѳ сулалѳ мир видѳзм дор. Капиталистическѳй странаясса уджалысь йѳз поддерживайтѳны Ѳветскѳй Союзлысь политика. Нинѳм оз вермы предотвратитны белофинскѳй бандаяслысь неизбежнѳй разгром, кодѳс лѳѳ вѳчѳма героическѳй Красной Армиялѳн да финскѳй народлѳн ѳтувѳя вынѳясѳн.

Ѳветскѳй Союз неуклоннѳя нудѳмирлысь политика да добрососедскѳй отношенияслысь политика став странаяскѳд, кодѳяс кутчысыѳны миянкѳд татшѳм жѳ отношениясѳ. Германиякѳд дружба да ненападение йылысь договор, прибалтийскѳй государствояскѳд—Эстониякѳд, Латвиякѳд да Литвакѳд взаимнѳй ѳсѳг йылысь пактѳяс—миян страна са последователнѳй мирнѳй политикалѳн выль ярьюгыд свидетельство.

Народѳяслы мир вѳсна, социалистическѳй государстволѳн границѳяс безопасность вѳсна аслас тышын СССР мыджсыѳ став мирса уджалысь йѳзлѳн пѳсы сочувствие вылѳ, ѳветскѳй народлѳн джуджыд морально-политическѳй единство вылѳ, Рабоче-Крестьянскѳй Красной Армиялѳн нинѳмѳн жугѳдны позѳтѳм мощь да героизм вылѳ.

ЛЕНИНЛѳН—СТАЛИНЛѳН ПАРТИЯ— КРАСНОЙ АРМИЯ ПОБЕДАЯСЛѳН ОРГАНИЗАТОР ДА ВОЖДѳ

Красной Армияѳс вѳлі лѳсыѳдѳма большевистскѳй партиаѳн 22 во сайын Великой Октябрьскѳй социалистическѳй революциялысь завоеваниеяссѳ рѳч белогвардеецѳяслѳн да иностраннѳй империалистѳяслѳн ѳтувѳя вынѳясысь дорѳѳм могысь, кодѳяс зильісны пѳдтыны том ѳветскѳй республикаѳс.

1918-ѳд вося январь 28 (15) лунѳ Ленин кырымаліс Рабоче-Крестьянскѳй Красной Армия организуйтѳм йылысь личнѳ сыѳн составитѳм декрет, а дас вит лун мысти—важ флотѳс распустилѳм йылысь да Красной Военно-Морскѳй Флот лѳсыѳдѳм йылысь декрет.

Красной Армиялѳн том отрядѳяс пыр жѳ петкѳдлісны ассыныс боеспособность. 1918-ѳд вося февраль 23-ѳд лунѳ Нарва да Псков бердын Красной Армия сетіс решительнѳй отпор кайзеровскѳй Германиялѳн войскаяслы. Тайѳ знаменитѳй луныс и лыдысысь сѳйѳ кадсяныс Красной Армия чужан лунѳн.

Регыд мысти Ѳветскѳй республикаѳс вѳлі окружитѳма би кытшѳн. Белогвардеецѳяслы ѳсѳг вылѳ выступитісны Англияса, Францияса, США-са империалистѳяс. Иностраннѳй империалистѳяс веськѳдлісны белогвардейскѳй армияслѳн штабѳясѳн, усиленнѳя снабжайтісны найѳс

ѳружиеѳн. Сѳдз, например, Англия 1919-ѳд воѳ мѳѳѳѳѳ Деникина 250 сѳурс гѳѳѳр ружье, 36 танк, 500 ору-
дѳеыс уджык, 2 миллион снаряд,
самолетяс да с. в. ѳтпырѳ англѳй-
скѳй, францужскѳй, японскѳй да мукѳд
империалистяслѳн войскаяс захва-
тывайтѳсны сѳветскѳй территориялыс
юкѳнѳяс. Лунвывсянь, асыввывсянь,
войвывсянь да рытыввывсянь зырсѳ-
ны пѳнѳясѳѳзныс вооружѳтѳм
врагяслѳн полчищяс, кодѳяс ас туй
выланыс кольѳсны гратѳѳм да со-
тѳм карѳяс да сѳктѳяс, висѳлицаяс
да сѳветскѳй рабочѳйяслѳн и крес-
тѳяналѳн истерзаннѳй шѳйяслыс
гѳраяс.

Иноземнѳй захватчикѳяслы да
пытѳкѳсса контрреволюциялы паныда
чорыд бойясын быдмѳс, крепаммѳс
да закаляйтѳс героическѳй Краснѳй
Армия. Сылы ѳтсѳг вылѳ быд бок-
сынь кѳѳѳдчѳсны рабочѳйяслѳн да
крестѳяналѳн массаяс, партизанскѳй
отрядѳясѳ котыртчалѳмѳн да Краснѳй
Армия радѳясѳ сувтѳмѳн.

В. И. Ленин непосредственнѳ весь-
кѳѳдлѳс гражданскѳй война фронтѳяс
вывса операциясѳн. Сѳйѳ дугдывылѳ-
тѳг следѳтѳс став фронтѳяс вылын
боевѳй действѳеяс мунѳм бѳрся,
тѳждысѳ, медым передовѳй частѳяс-
сѳс вѳлѳ обеспѳечѳтѳма став колан-
торнас, чуксалѳс рабочѳйясѳс врагѳ-
яскѳд тыш вылѳ. И. В. Сталин вѳлѳ
Ленинѳн медматысса ѳтсасысьѳн да
военнѳй советникѳн. Гражданскѳй
войнаса медся ѳтветственнѳй учас-
токѳясѳ партия мѳѳѳѳдлѳс И. В. Ста-
линѳс. И кор сѳйѳ либѳ тайѳ фронт
вылѳ воывлѳс Сталин—ѳстановкаыс
ѳѳѳѳ вѳжсывлѳс. Сталин руковод-
ствѳсѳ бѳсьтлѳс аслас ѳн кѳясѳ,
грѳмѳтѳс да вѳтлалѳс изменникѳясѳс,
оздоровляйтлѳс ѳстановкасѳ, ѳтвет-
ственнѳй постѳяс вылѳ сувтѳѳдлывлѳс
испытаннѳй, революциялы преданнѳй
ѳѳзѳс, кѳѳѳдлѳс Краснѳй Армияса
боеѳяслыс духсѳ, шѳѳѳдлѳс фронт
вылын перелом и победа.

Сѳдзи, Сталин блестящѳй органи-
зуйтѳс Царицынѳс дорѳѳм, пермскѳй
фронт вылын победа, Юденичѳс,
Врангельѳс да белополякѳясѳс пась-
вартѳм. Сталин предотвратѳтѳс Иуда-
Троцкѳйлыс предательскѳй планѳ-
яссѳ ѳлѳмѳ нудѳѳм, кодѳ (Троцкѳйыс)

зѳльлѳс торкны победоноснѳй разгро-
митны интервентѳясѳс да белогвар-
дѳеѳяссѳс. Троцкѳй лѳсьѳѳдлѳс Дени-
кин вылѳ мунан походлыс плансѳ
Царицынсянь Новороссѳйскѳ, казачѳй
населѳеѳа донскѳй степѳяс пыр,
кор тайѳ населѳеѳеыслѳн тѳѳчана
юкѳныс вѳлѳ белогвардѳеѳяс влия-
нѳе улын. Сталин ѳрт ѳтвергнѳтѳс
тайѳ предательскѳй плансѳ да пред-
ложѳтѳс Деникин вылѳ наступайтан
ассѳыс план—Харьков—Донбасс—
Ростов пыр, кѳнѳ уджыкыс вѳлѳ
пролетарскѳй населѳеѳе, кодѳ сочув-
ственнѳй встречайтлѳс мѳянлыс
войскаяс. Тайѳ планѳн преимущѳ-
ствоясыс вѳлѳны ешѳ и сын, мѳй
татшѳм туйѳд мунѳгѳн Краснѳй Ар-
мия поткѳѳдлѳс Деникинлыс армиясѳ
кык пельѳ, а сѳдзѳѳ бѳсьтлѳс важнѳй
кѳрттуйяс, угольнѳй районѳяс да про-
мышленнѳй центрѳяс. Тайѳ гениаль-
нѳй плансѳ вѳлѳ одобритѳма Ленинѳн
да победоноснѳй пѳртѳма ѳлѳмѳ.

Сталин котыртѳс Первой коннѳй
армияѳс, кодѳ зѳв ыджыд роль вор-
сѳс гражданскѳй война фронтѳяс
вылын интервентѳясѳс да белогвар-
дѳейскѳй бандаясѳс пасьвартѳмын.

Краснѳй Армиялѳн руководящѳй
ядроѳн вѳлѳны коммунистѳяс, ком-
сомолецѳяс, пролетарѳйяс. Граждан-
скѳй война фронтѳяс вылѳ вѳлѳ мѳ-
ѳѳѳѳма 300 сѳурс коммунистѳс, боль-
шевѳистскѳй партиялѳн джын состав-
сыс уджык. Найѳ петкѳѳдлѳсны бой-
ясын беззавѳтнѳй храбрѳстьлыс,
ѳтвагалыс пример, ас бѳрсяныс ув-
лекайтлѳсны красноармейскѳй масса-
ѳс.

Большевѳистскѳй партиялѳн посла-
нецѳяс—военнѳй комиссарѳяс—спла-
чивайтлѳсны Краснѳй Армияѳс, крас-
нѳй боеѳяс радѳясѳ пыртлѳсны
боевѳй дух да победаѳ эскѳм, обеспѳ-
чивайтлѳсны враг вылын победа.
„Военкомтѳг мѳян ѳз вѳв эськѳ Крас-
нѳй армия“ (Л е н и н).

Краснѳй Армия дорѳс ас радѳясын
вылѳ типа военнѳй руководѳтельясѳс:
Фрунзе, Ворошилов, Будѳеннѳй ѳртѳ-
яссѳ да мукѳѳѳяссѳс. Гражданскѳй
войнаса легендарнѳй геройяслѳн
нимѳяс: Котовскѳйлѳн, Чапаѳвлѳн,
Лазѳлѳн, Щорслѳн, Пархоменколѳн
да мукѳѳдлѳн—нѳмыс ѳласны мѳян
странаса уджалыс ѳѳз сѳѳлѳмѳясын

да чуксалоны найёс социализм вёсна героической подвигыс вылõ. Большевистской партиалõн медбур пиян: Киров, Куйбышев, Орджоникидзе, Дзержинский, Щаденко ёртъяс да мукõд—вõлыны гражданской война фронтъяс вылын победаяслõн блестящей организаторъясõн.

Ленинлõн—Сталинлõн партия мобилизуйтис став советской народõс интервентъяслы да белогвардеецъяслы павыд тыш вылõ. Красной Армия, став съёкылдунсõ, лишенияс, тышгун венõмõн, победоносной помалис гражданской война, пасвартис врагъяслы полчищяс да интервентъяслыс да белогвардейской бандаяслыс—колясъяссõ шыбытис миян страна пределъяс сайõ.

В. И. Ленин шулис: „...Антантаса империалистъяслõн да став мирса империалистъяслõн мõдысся, коймõдысся да нельõдысся поход вылõ видзõдтõг, ми верим победитны“.

Мыйõн объясняйтсõ тайõ збыль-вылõ шензёдана победаыс?

Красной Армия победитис сы вёсна, мый советской народлõн гражданской война вõли медся справедливой войнаи сыын участвуйтис став народыс. Красной Армия победитис сы вёсна, мый сылõн боецъяс гõгõрволисны советской властьюс политика, отчетливõя тõдисны, мый тышкасьоны народлõн интересъяс вёсна, асланыс, кровной интересъяс вёсна. Красной Армия вермис сы вёсна, мый сы сайын сулалис ёнсыйс-ён тыл—советской народ,—кодõ быдногыс отсалис сылы, пыртлис сыõ бодрость, решительность, отвага, победаõ эскõм. Красной Армия победитис сы вёсна, мый сыõн веськõдлис Ленинлõн—Сталинлõн партия, мый сылõн победаяс организуйтысьясõн вõлыны славной пролетарской полководецъяс, виль типа военной руководительяс. Красной Армия победитис сы вёсна, мый сылы сочувствуйтисны, сылы отсасисны став мирсыс уджалысь йõз.

АРМИЯ, КОДЛЫ ПОДОБНОЙÕС ЭЗ ТÕДЛЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВОЛÕН ИСТОРИЯ

Аслас природа серти, вын да могущество серти Красной Армия вужвийõныс торъялõ мирын став вõвлõм да õния армияыссы.

Мыйын тайõ торъялõмыс, мыйын выныс да непобедимостьюс Красной Армиялõн?

„Первой да основной особенностьюс миян Красной Армиялõн,—шуõ Сталин ёрт,—состоитõ сыын, мый сийõ эм мезмõм рабочийяслõн да крестьяналõн армия, сийõ эм Октябрьской революциялõн армия, пролетариат диктатуралõн армия“.

Капиталистической мирса став странаысын армияыс сулалõны буржуазиялы служба вылын, найõ—буржуазиялыс господствосõ утверждайтан орудие, рабочийясõс да крестьянаõс угнетайтан да подавляйтан орудие.

Сõмын миян Красной Армия эм рабочийяслыс да крестьяналыс власть утверждайтан орудие, рабочий класс диктатуралõн вооружен-

ной вын, капитал гнетысь уджалысь йõзс мездан орудие.

Капиталистической странаысын армияõс да народõс торйõдõма мõда мõдсыс стенõн. Сәни армия паныд сулалõ народлы кыдзи чуждой вын. Сылõн назначениыс—пõдтыны масасаясõс да воюйтны эксплуататоръяс чукõрлõн интересъяс вёсна. Миян Красной Армия—народлõн быдтас, сийõ топыда йитчõма народкõд, тышкасьõ сылõн интересъяс вёсна да олõ народкõд õти олõмõн.

Капиталистической армияысын салдатъяс и офицеръяс—разной классысысь йõз, на костын куйлõ дзонь пропасть. Салдатын виõны мортлыс достоинствосõ. Сийõс торйõдõны общественной олõмсыс, лишитõны сийõс избирательной правоясыс. Красной Армияын боецъяс да командиръяс—единой сплоченной семья. Сәни эм сознательной дисциплина. Красноармеец да командир õтмоз участвуйтõны политической олõмын,

бӧрйӧны и бӧрйысьсьӧны властьӧн
верх вӧнӧй органъясӧ да местнӧй
советъясӧ. Краснӧй Армияын лӧсь-
дӧма став условияс боецъясӧн да
командиръясӧн культурнӧй да по-
литическӧй быдмӧн выло.

Краснӧй Армияын воспитаниесӧ
польскӧй армияын воспитаниекӧд
сравнивайтӧмӧн, польскӧй писатель-
ница Ванда Василевская гижӧ: „Ми-
янын сюйлісны салдатлы юрас не-
мын фраза. Тани (Краснӧй Армияын—
Ред.) тыдалӧ, мый салдатӧс воспиты-
вайтӧны мортӧн, гражданинӧн. Со-
ветскӧй армиялӧн уровеньс лӧи
виччысьтӧмторйӧн налы, кодӧ мед-
воддзаясь паныдасис ськӧд. Салдат,
кодӧ лыддӧ книгаяс, интересуйтчӧ
театрӧн, политически ориентируйтчӧ,
имейтӧ делӧяс йылысь асьыс суж-
дение да мнение, салдат, кодӧ оз
видчы, оз ю, оз тӧд антисемитизм,
салдат гражданин, салдат-обществен-
ник“¹.

Царизм дырйи военнӧй служба вӧ-
лі каторгаӧн. Медым эськӧ эз бось-
ны салдатӧ, уна юношаяс калечит-
лісны асьнысӧ, керавлісны аслыныс
чунъяс, тшыкӧдлісны асьыныс син.
Миян странаса том йӧз армияӧ му-
нӧны радпырысь, призывникъяс ӧт-
кажитчӧны семейнӧй положение кузя
льготаясьсӧ. Социализм страналӧн
уна дас да сӧ сюрс том граждана
сеталӧны заявлениеяс, медым до-
срочнӧй найӧс зачислитісны РККА
радъясӧ. Сӧмын РККА-лӧн админи-
стративно-мобилизационнӧй управле-
ниеӧ 1938-ӧд воын локтіс 33 сюрс
дорысь унджык татшӧм заявление.
А кымын татшӧм заявление ысталӧны
местнӧй военнӧй комиссариатъясӧ!

Мамъяс да батъяс, асьыныс пиян-
сӧ Краснӧй Армияӧ колльӧдӧгъясӧн,
оз бӧрдны, оз шогсыны, а сетӧны
налы наказ бурджыка дасьтысьны
рӧдинас дорйыны. Пӧрысь донскӧй
казак Могилин ӧрт гижліс аслас пи-
красноармеецлы, кодӧ чукӧстіс сійӧс
социалистическӧй ордысьмӧм выло:
„...Тэнсьыл чукӧстчӧмтӧ ме, пийӧ,
примита. Тэ Краснӧй Армия радъяс-
сын дасьты асьтӧ рӧдинас дорйӧм
выло, а ме кута гӧтӧвитны том кол-

хозникъясӧс да миянлысь донскӧй
вӧвъяснымӧс война лӧиӧг кешӧ. Та-
дзи миян пийъ быдӧн пӧртас олӧмӧ
рӧдина водзын большевикъясӧн
партия да Сталин ӧрт водзын асьыс
долгӧс“.

Советскӧй народ пӧся радейтӧ да
быдлуны тӧждысьмӧн кытшалӧ
асьыс рӧднӧй Краснӧй Армияс.
„Некӧн мирас абу сэтшӧм радейтана
да тӧждысяна отношениясыс народ-
лӧн армия дорӧ кыдзи миянын. Ми-
янын армияс радейтӧны, с йӧс ува-
жайтӧны, сы йылысь тӧждысьӧны“
(Сталин).

Краснӧй Армиялӧн эм ӧнысь-ӧн
тыл, кутшӧм абу и оз вермы лӧны
мирын ни ӧти армиялӧн.

* *

*

„Миян Краснӧй Армиялӧн мӧд
особенностьыс сыны, мый сійӧ, миян
армия, эм миян странаса народъяс
костын братстволӧн армия, миян
странаса угнетеннӧй народъяс мез-
дан армия, миян странаса народъяс-
лысь свобода да независимость
доръян армия“ (Сталин).

Империалистическӧй армиясса
салдатъясӧс воспитывайтӧны мукӧд
нацияяс да народъяс дорӧ шовинизм,
презрение да вражда сямӧн. Тайӧ
вӧчсьӧ сы могысь, медым армия
вӧлі империалистъяслысь колониаль-
нӧй политика осуществляйтан, на-
лысь захватническӧй планъяс олӧмӧ
пӧртан кывзысьсӧ орудиеӧн. Сӧмын
Краснӧй Армия оз тӧд национальнӧй
розньсӧ. Царскӧй Россияын нацио-
нальнӧй меньшинствояс адзӧны вӧлі
армияын жестокӧй вын, кодӧс лӧ-
сьӧдӧма пӧдтыны найӧс, „усмиряйт-
ны“ да бырӧдны. СССР-са став на-
родъяс Краснӧй Армияын адзӧны
асьыныс другӧс, дорйысьсӧ, асьыс
рӧднӧй армияс, кӧнӧ роч и узбек,
татарин и грузин, братскӧй дружба-
ӧн йитчӧмӧн, видӧны асланыс радей-
тан рӧдиналысь рубежъяс.

Краснӧй Армиялӧн коймӧд особен-
ностьыс „интернационализм духын,
интернационализм чувствоясын, кодъяс
йиджтӧмадсь миянлысь ставнас
Краснӧй Армияс“ (Сталин).

Краснӧй Армияса боецъяс воспи-
тывайтсьӧны став странаысса уджа-

¹ 1939-ӧд вося октябрь 26-ӧд лунся „Краснӧй
звезда“

лысь йѳѳс радейтан да уважайтан сямѳн, странаяс костын мир видзан сямѳн. „И буретш сы вѳсна, мый миян армия воспитывайтѳѳ интернационализм сямѳн, став странаясса рабочѳйяс интересяслѳн единство сямѳн, буретш та вѳсна сійѳ, миян армия, эм мирѳвѳй революциялѳн армия, став странаясса рабочѳйяслѳн армия“ (С т а л и н).

Не сѳмын ставнас сѳветскѳй народ, но и став мирссыс уджалысь йѳѳс уважайтѳны да поддерживайтѳны Краснѳй Армияѳс.

Краснѳй Армия аслас цельяс да могъяс серти эм дзик выль, аддзывлытѳм на армия. Сылѳн цельяссыс, сылѳн могъяссыс—абу йѳѳс муяс босѳтѳм, абу йѳѳс народъясѳс пѳкѳритѳм, а уджалысь йѳѳс мездѳм.

Ас медводдза лунъяссяныс Краснѳй Армия пѳртѳ олѳмѳ ассыс интернациональнѳй, освободительнѳй могъяссѳ. Гражданскѳй война кадкѳластѳ нин, рабочѳйяслысь да крестьяналысь мирын медводдза сѳветскѳй государство дорйѳмѳн, Краснѳй Армия тайѳн нѳѳдѳс олѳмѳ ассыс интернациональнѳй долгсѳ международнѳй пролетариат водзын. Та вѳсна Краснѳй Армия и аддзывлѳс став странаясса уджалысь йѳѳсянъсочувствие да быдногса отсѳг.

Миян страна на народъяслы Краснѳй Армия вайис чужеземнѳй захватчикъяс да ас эксплуататоръяс гнѳтысь мездѳм. Сѳветскѳй правительство дѳнѳ 1920-ѳд вося мартын асланыс шыѳдчѳмын Кавказса уджалысь йѳѳс, кодъяс пѳдѳны вѳлѳ ас феодальяс, капиталистъяс да англійскѳй интервентъяс гнѳт улын, гижлѳсны:

„Ми огѳ кѳсйѳй кольчыны рабъясѳн, торйѳн нин ѳнѳ, кор миянкѳд орчѳн сулалѳ Россиялѳн мездѳм пролетариат, кодкѳд ми окотитам пырны единѳй пролетарскѳй интернациональнѳй семьяѳ“.

Краснѳй Армия честьѳн пѳртѳс олѳ-

мѳ Кавказса став горскѳй народъясѳс мездан мог. Краснѳй Армия отсѳгѳн Сибирса, Средней Азияса, Украинаса, Белоруссияса, а сѳдзжѳ Монголскѳй народнѳй республикаса народъяс мездысисны интервентъяс да белогвардеецъяс иго улысь.

1939-ѳд воын героическѳй Краснѳй Армия зѳв бура пѳртѳс олѳмѳ Западнѳй Украинаса да Западнѳй Белоруссияса уджалысь йѳѳс польскѳй панъяс гнѳт улысь мездан историческѳй могсѳ.

Радысла петан синваѳн, ыджыд благодарность чувствѳѳн встречайтѳсны единокровнѳй миян вокъяс украинецъяс да белоруссъяс ассыныс мездысѳс. „Ми тѳянѳс виччысим кызь во,—шулѳс Западнѳй Украинаса ѳти крестьянин-старик, красноармеецѳс пѳся кутлѳгтыр.—Тѳдѳм, мый сѳветскѳй народ мездас миянѳс гнѳтысь“.

Красноармеецъяслѳн население дорѳ отношенииын петкѳдчѳ налѳн благороднѳй обликыс. „Абу, тайѳ абу польскѳй армия,—сернитѳсны крестьяна.—Полякъяс медбѳръянымѳс мырддѳялѳсны, а тайѳяс чунъѳн нинѳм эз вѳрзьѳдны“.

И ѳнѳ, аслас интернациональнѳй, освободительнѳй могъяслы вернѳй Краснѳй Армия мужественнѳя отсалѳ Финляндскѳй Демократическѳй Республикѳлы белофинскѳй маннергеймовскѳй бандѳлы паныд нѳѳдан справедливѳй войнаын.

Краснѳй Армия вуджѳ границѳяс оз кыдзи завоевательница, а кыдзи уджалысь йѳѳс мездысь. И тайѳс тѳдѳ быд боец. Та вѳсна быд боец Западнѳй Украинаса да Западнѳй Белоруссияса сиктъясѳ да каръясѳ воигѳн лѳѳ вѳлѳ пламеннѳй агитаторѳн, сы вѳсна сѳтшѳм беззаветнѳй героизмѳн тышкасьлѳсны да тышкасьѳны миян рѳдинаса врагъяскѳд победоноснѳй Краснѳй Армиялѳн воинъяс.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКѳЙ РѳДИНАѳС ВИДЗѳМ

Сѳветскѳй народ век помнитѳ Ленинлысь да Сталинлысь мудрѳй индѳдъяссѳ капиталистическѳй окружение йылысь да социализмлѳн страна

вылѳ империалистъясѳн выльысь уськѳдчыны дасѳтысьѳм йылысь. Ми эѳѳ вунѳдѳ сійѳ вояссѳ, кор империалистъяслѳн горш свора лестукъяс

Всеобщей воинской обязанности
 йлысь вель закон ещѣ ёнджыка
 кылѣдѣ Съветской Союзлысь оборон-
 ной вынйорсѣ.

Отечествоѳс дорйѳм миян странаын лѳж став гражданаѳн почетнѳй обя-
занностьѳн. Нывбабаяс, кодъяслѳн
эм медицинскѳй да техническѳй спе-
циальность, вермѳны лоны босьтѳмаѳсь
РККА рядъясѳ служба выѳл. Ре-
гыдъя срокѳн на пиысь унаѳн уди-
тисны петкѳдлыны боевѳй обстановка-
ын ассыныс мужество, энергия, мас-
терство.

Краснѳй Армияса боецъяс, кызди
и ставнас сѳветскѳй народ, воспиты-
вайтсѳны Марксѳн—Энгельсѳн—
Ленинѳн—Сталинѳн учение серти.
Найѳ пѳсь сѳлѳмъяса сѳветскѳй
патриотъяс, кодъяс беззаветнѳ преда-
нѳсь сѳветскѳй народлы, Ленин-
ѳн—Сталинѳн партия делѳлы.

Военнѳй присяга—Краснѳй Армияса
быд воинлы нерушимѳй закон. Война
ѳзтысьяс, кодъяс не ѳтчыдысь нин
нюжѳдлыны ассыныс няйт лапаясѳ
миян страна дорѳ, ас мыш выланис
испытатисны Краснѳй Армиялысь
жугѳдны позьтѳм выйѳрсѳ, краснѳй
воинъяслысь вынысѳ да отвагасѳ.

Ярьюгыд славаѳн ѳзйѳны подвигы-
сыс геройясѳн, кодъяс пасьвартисны
миян рѳдиналысь врагыасѳс Хасан
ти дорын да Халхин-Гол ю дорын.
Став мирса уджалысь йѳзѳн сѳ-
лѳмъясанис век кутас овны образыс
краснѳй воинѳн, кодѳ мездѳс Запад-
нѳй Украинаса да Западнѳй Белорус-
сияса уджалысь йѳзѳс польскѳй
шляхта иго улысь. Век кежлѳ пы-
расны историяѳ кувлытѳм подвигы-
сыс геройясѳн, кодъяс тышкасьѳны
белофинскѳй бандаяскѳд Финлянди-
яса вѳръясын да нюръясын веж мо-
розъяс дырйи финскѳй народ шуд да
свобода вѳсна, миян рѳдина безо-
пасность вѳсна.

Социализм странаса патриотъяс,
сталинскѳй закалкаа йѳз, Краснѳй
Армияса командиръяс да боецъяс
тышкасьѳны врагѳд, ассыныс вынъ-
яс ни олѳмнысѳ жалиттѳг. Белофинъ-
яскѳд бойын усьѳм отделеннѳй ко-

мандир Виноградов ѳртлѳн гимнас-
терка зептысь вѳлѳ аддзѳма татшѳм
записка:

„Бойѳ да разведкаѳ мунѳгѳн ме ку-
та нѳйтны врагѳс промахтѳг, кытѳн
бы сѳйѳ эз сюр. Но бѳрѳ—ни воськовѳ!
Рѳдина вѳсна, миян партия вѳсна—
кула, но враглы пленѳ ог сетчы. Мед-
олас—Сталин да став миян сѳветскѳй
народ.

Разведотделениеса командир Семен
Виноградов“.

Краснѳй Армия—героийясѳн армия.
Сѳветскѳй патриотъяслѳн, Хасанса
да Халхин-Голса геройясѳн леген-
дарнѳй подвигыс, белофинняскѳд
тышкасьысь геройясѳн подвигыс
вдохновляйтѳны став сѳветскѳй на-
родѳс доблесть да мужество выѳл.
Финскѳй белогвардейщинакѳд тыш-
касян фронт вылын боевѳй задание-
яс образцовѳя олѳмѳ пѳртѳмысь, та
дырйи доблесть да мужество петкѳд-
лѳмысь уна сюрс боецѳс да коман-
дирѳс наградитѳма орденъясѳн да
медальясѳн. Медбурьяссыс медбур-
боецъяслы да командиръяслы, кодъ-
яс петкѳдлыны исключительнѳй ге-
роизм, присвоитѳма Сѳветскѳй Сою-
за Геройлысь звание. Финскѳй бело-
гвардейщинакѳд фронт вылын тышлѳн
быд лун чужтѳ выль и выль геройя-
сѳс, кодъяс Краснѳй Армиялѳн ге-
роическѳй историяѳ гижѳны выль
ярьюгыд листовкъяс.

Сѳветскѳй народ гордитчѳ аслас
армияѳн.

„Сердце
республика
с армией слила,
нету
на свете
тверже сплава.
Красная армия—
наша слава.
Нашей
Красной армии
слава!“
(Вл. Маяковский).

ѲНМОДНЫ СОЦИАЛИЗМ СТРАНАЛЫСЬ ОБОРОНОСПОСОБНОСТЬ

„Миян могным ѳнѳ, быд рабочѳйлѳн
да крестьяналѳн могыс, быд служа-
щѳйлѳн да интеллигентлѳн могыс

сыын, медым честнѳя и самоотвер-
женнѳя уджавны ас пост вылын и
сѳйѳн сетны Краснѳй Армиялы отсѳг“.

Тайо кывъяссё, кодъясёс висьталіс Молотов ёрт аслас речын радио кузя сентябрь 17-од лунё, пыдысянь гёгөрвоисны миян странаса уджалысь йёз. Рабоче-Крестьянскöй Краснöй Армиялөн да Военно-Морскöй Флотлөн XXII-од годовщина лунё миян рöдвöй героическöй Краснöй Армиялы пöсь чолöм ыстігөн ми долженöсь миян геройяслөн боевöй подвигыяс вылö вочавидзны социалистическöй уджлөн фронт вылын виль подвигыясөн.

Ещё ёнджыка паськöдам социалистическöй ордйысьöм, уна сюрс виль уджалысь йёзс кыскам стахановецьяс радъясö, многостаночникъяс движеніеö, индустриальнöй профессияслөн овладейтöм вöсна нывбабаяслөн движеніеö. Шедöдам социалистическöй промышленностьлысь виль подъём да миян рöдиналысь обороннöй вынсö ещё ёнджыка ёнмöдöм.

РККА-лысь 22-од годовщина ми пасьям обороннöй уджнымс ещё вылöджык кыпöдöмөн, Осоавиахим-лысь да РОКК-лысь уджъяссö бурмöдöмөн. Кутам упорнöя овладевайтны военнöй искусствöн, медым любöй минутаö честьөн сувтны миян-лысь социалистическöй рöдинанымс дорйыны да кужöмөн грöмитны врагыасö.

Кутам велöдчыны лэбавны самолётъяс вылын, меткöя лыйсыны винтовкаясысь да пулеметьясысь, кутам велöдны противовоздушнöй защита. Производствоысь торъяв-

тöг быттам уна сюрс лётчикöс, снайперöс, кавалеристöс. Быд предприятия пöргам босьтны позьтöм крепостьö.

Сöветскöй народ кужö воюйтны и не сöмын кужö, но и радейтö воюйтны. Сійö тшын бус разбодас социализмлөн врагыаслысь став усьласьöмнысö, уськöдас окоталунсö зелькöдчыны öружиеөн Сöветскöй Союзлөн границаяс бердын.

Мый врагöс лöб бырöдöма, талы пöрукаөн лöб Краснöй Армиялөн вынйöрыс, СССР-са народъяслөн нерушимöй дружба, сöветскöй народлөн жугöдны позьтöм морально-политическöй единство, партия да правительство дорö уджалысь йёзлөн помтöм радейтöм.

„Сöветскöй Союзс оз ло субма виччысьтöг международнöй событиясөн, кутшöма кöть найö эз вöвны виччысьтöмбсь да грознöйбсь. А сійö господаыс, кодъяслөн гудыртчöм вежöрныс торкö налы аддзыны Сöветскöй Союзс сэтшöмөн, кутшöмөн сійö эм збыльвылö, век кутасны босьтны предметнöй урокъяс сэтчöдз, кытчöдз найö оз гёгөрвоны, мый Сöветъяслөн великöй народ имеитö да век кутас имеитны врагкöд тышын ассыыс великöй да страшнöй вооруженнöй вын, коді кутас пасьвартны век да быдөнöс, коді смелмöдчö посягайтны победоноснöй Сöветскöй Союзлөн священнöй правояс, му да честь вылö“. (В о р о ш и л о в).

ФРОНТСЯНЬ ПИСЬМО

И. ВАВИЛИН

Воис юор чой ним вылѵ
Сэсянь, кѵні ѵні фронт,
Кѵні боевѵйс сьылѵ
Сьыланкывсѵ горизонт.
Сэсянь, кѵні пемыд войын
Дозор нуѵ рѵднѵй вок,
Кѵні белофиннѵяс бойын
Гыжѵялѵны лудзьѵм бок.
Типкѵ сьѵлѵм. Ѳдѵ колѵ
Тѵдны чойлы юор сэсь,
Кыдзи вокыс сэні олѵ,
Дорѵ рѵдиналысь честь.
Конверт восьтѵ, аддѵ гижѵд.
Почерк мича, тѵдса, збой.
Письмѵ вылын боец гижѵ:
„Чолѵм тѵныд, муса чой!
Тышкасям ми финскѵй вѵрын:
Гѵгѵр тыяс, нюрѵяс, лым.
Миян вына морѵс шѵрын
Сьѵлѵм—вермѵм вылѵ пым.
Некор, некор оз быр сѵйѵ,
Миян дзоридзалан сад.
Некор белофиннѵяс киѵ
Оз сюр славнѵй Ленинград.
Вермѵм шедѵдам ми честьѵн,
Регыд пышѵяс подлѵй враг,
Регыд став Суоми весьтѵ
Кыптас мезмѵм йѵзлѵн флаг.
Вынѵс ассьым ме ог жалит.
Мекѵд—быд сѵветскѵй морт.
Ме вѵсна тѵждысьѵ Сталин—
Миян дѵна вѵждѵ да ѳрт.
Виччысь, чойѵ, менѵ гортѵ,
Воа вермысьѵн ме, дерт.
Ѳні ачыд гиж вай, ѳртѵй,
Кыдзи гортын овсьѵ тѵд“.
Воклы чойыс письмѵ ыстѵ.
Письмѵ вылын—мича цвет.
Гижис ыджыд, паськыд листѵ
Шуда йѵзсянь пѵсь привет.

МЫ ПОД ЗАЩИТОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ СТЕНЫ

М. ЛЕБЕДЕВ

Не видно стены в синеве
 поднебесной
Вокруг нашей славной
 Советской страны,
Но целому свету давно уж
 известно,
Что мы под защитой железной
 стены.

Врагу нету доступа в наши-
пределы:
Их Красная Армия крепко
хранит.
Бойцы наши зорки, отважны и
смелы,
Любовью к отчизне их сердце
горит.

Советской страны корабли
Несут свою службу на бурных морях.
На вахте всегда краснофлотцы
Врагам кровожадным на злобу и страх.

И армия наша, и флот наш
могучий
Умеют народ трудовой
защищать,
Умеют и сами губительной
тучей
На вражьей земле на врага
нападать.

По горькому опыту это уж знают
И пан горделивый, и злой белофинн.
Стремительно наши бойцы наступают,
Сметая колонны бандитских дружин.

Мы разных племен: украинцев,
таатарин,
И русский, и коми, киргиз и
еврей,
Грузин и якут, белорусс,
молдаванин,
Но сердце одно у советских
людей.

Мы Красную Армию любим
родную,
Мы любим наш Красный, наш
доблестный флот,
И каждый из нас на страду
боевую,
Коль будет то нужно, бесстраш-
но пойдет.

Не видно стены в сизеве
 поднебесной
Вокруг нашей славной Совет-
 ской страны,
Но целому свету давно уж
 известно,
Что мы под защитой железной
 стены!

СӨВЕТСКОЙ ТАНК

Г. ПУНЕГОВ

Кор разведка юбртөдис стөча,
Мый противник абу ылын тая
И атака дасьтө миян ылө,—
Сэк советской грозной төвзис танк.

Резис-сявкйис сийө гөгөр биөн,
Враг окопө кисьтис ливень шер.
Эз кут сийөс гуран ни крут керөс,
Эз кут сийөс весиг пемыд вөр.

Часджын мысти сувтис поле ылө —
Стальной, ён—боецлөн друг и ёрт.
Пуля туйяс төдчисны бронь вылас...
Пытшкас куйлис ранитчөма морт.

Муыс качлис снаряд усянинын;
Свинеч шерөн шутьлалө войтөв...
Пыр жө ёртъяс вежисны геройдс
И танк төвзис враг ылө, кызд ньөв.

Бушков вынөн врагъяс пөвсөд лэбис,—
Дзик быд лыйөм сылөн вөлі стөч,—
Кодөс суис—сьбкыд броньнас личкис...
Ньоти гадөс бөр мунны эз лэдз.

ПРИСЯГА

ИСТОМИН

Под солнцем и небом просторным
Я песню о счастье пою.
Чтоб край наш был вечно свободным,
Сегодня присягу даю.

Я клятву даю боевую—
Бессмертную клятву бойца,
И буду в минуту любую
Ее выполнять до конца.

По зову родного наркома,
По зову отца и вождя
Бить буду врагов до разгрома
В суровых боях, не щадя.

БУР ТУЙ ТЭД, МУСА ДРУГ!

СЕРГЕЙ МОРОЗОВ

Зэв кыпыд талун асья сынѳд.
Кыа рѳмнас ворсѳ гѳрд и виж.
Вай, ѳртѳ, прѳщайтча ме тѳкѳд,
Да эн вунѳд—писъмѳтортѳ гиж.

Ме тѳда: чужан му тѳд дона,
Визув юяс, тѳлѳн шувгысь яг.
Ме тѳда: армияным вына,
Чорыд кучкѳм пѳлучитас враг.

Кор лоан фронт вылын нин, ѳртѳй,
И кор кыптас сѳні смертлѳн грѳз,
Кут мѳвпад мирын ыджыд мортѳс,
Кодлы дона Сѳвет му и йѳз.

И мудрѳй сылѳн юрас думъяс,
Кывзѳ сылысь Ворошилов Клим,
Отчизна вѳсна сійѳ оз узь войяс...
— Сталин!—юргѳ мушар пасьта ним.

Отчизна вѳсна сувт тѳ смела,
Канонада пушкаясѳн вѳч.
Бя шерѳн враглысь радъяс вольсав,
И быд бомба уськѳд цельѳ стѳч.

Тѳв нежнѳ малалыштис чужѳм,
И команда сѳвны кыліс друг.
Машина колльѳді ме синмѳн...

Бур туй!
Бур туй тѳд, менам муса друг!

ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИЯ ТУЙЯС КУЗЯ

ЛЕЙТЕНАНТ Я. СЕМЕНОВ

РУБЕЖ САЙЫН

Красной Армияса передовой частью бывшей советско-польской граница вуджом бёрын мёд луннас миян частьса командирьяслысь группабс вёлі мёдбёдма Западной Белоруссияб специальной оперативной заданиебн. Меным вёлі поручитёма командуйтны охрана нубдан стрелково-пулеметной взводбн.

Кык грузовик, дас вит штык, станковой пулемет, горючейлён, продовольствиелён да боеприпасьяслён запас, и ми вуджим бывший „Ржечи Пасполита“ территория вылб.

Бездорожьебс медводз тбдчис миян автомобильяслы, кодьяслы ковмис варгылясьны „заграничной“ тёлканьяс да гураньяс вывті. Найб сэтшбма дбэмббн ургисны кырбм чойяс паныд кайигбн, мый, быттьб, сравнивайтісны тайб панской туйяссб сбмын на кольбм Советской странаса бурпаськыд гудронированной шоссеяскбд.

Гбгбрбок был здук паныдасьбны тбрытъя боевой стычкаяслбн следьяс: миян гранатомётчикьясбн пасьвартбм польской пограничной вышка, советской пулеметьясбн пож кодьбдз пискбкбдбм погранзаставалбн стенис, бергбдчылбм танклбн уль му вылын туйяс.

Мунам вбр пыр.

Туйясыс сэтшбм векнибсь, мый пуяслбн увьясыс то бтарсянь, то мбдарсянь кучкалбны юраныс машинасыс пукалысь боецьясбс.

Петам муяс вылб.

Боецьяс-колхозникьяс чуйббмбн видббббны тайб „муясыс“ вылб, кодьяс пиысь быдбн не паськыдджыкбсь кык метрысь.

— Да кутшбм нб муяс тайб! Тайб—градторьяс: воськов воськовтін—и вуджин мусб!—шубны найб.

Паныдасьбны гбрьяса крестьяна.

Средневековьебн тайб обломокыс оз кажитчы тан анахронизмбн.

Бти боец резонной шуб:

— А мый жб тан тракторыслы вбчны? Сійб оз и бергбдчы.

Миян начальникбн планшетас польской карта вылын шоссе да проселокьяссб пасьялбма став топографической правилбяс кузя, но збыль-вылас найб оз торьявны ни пасьята серти, ни грунт серти, ставныс бтко-дя коньбркбдьбсь. Сувтім да юасям туй йывсьбс детинкалысь, коді йирсьббб вердастбм мбскбс.

Сэк кості кор, командирьяс ориентируйтбны карта кузя, боецьяс беседуйтбны детинкакбд:

— Школаб ветлан?

— Ог.

— Мыйла?

— Учительница пышійс.

Западной Белоруссияын школаясыс польскойбсь. Найб—белорусской населениебс искусственной ополчивайтан аппаратьяс. Школаясб учительясыс вербуйтсьывлісны сбмын „благонадежной“ элементьясыс: мелкопоместной шляхталбн нывпиянысь, осадникьясыс (военной колонистьясыс) да полицейскойясыс. Гбгбрвоана, мый тайб „интеллигенциялы“ эз вбсбббм вылас Красной Армиялбн локтбмыс, и сійб пышійс кытб вермис. Но пышійынысб налы вёлі некытб: рытыввылын—германской войскаяс, асыывылын—Красной Армия, а пышійыны Литваб либб Румынияб кызвыныслы налы—„абу зепныс серти“ удовольствие. Абу дивб, мый тайб „просвещение кбдзысьяс“ пиысь

унаён дзебсисны вёр'ясё да нюр'ясё помёдз бырдтём на офицерыё-кёдтшотш, медым пельёс сайсянь лыйлыны прёйдитысь красноармеец'ясёс да кёйн этшён водзёс мынтыны крестьяналы долыд встречаёссыныс, код'ясёс найё вёчлісны асланыс мезд'ясяслы—Красной Армиялён частьяслы.

„А ПАН'ЯС ШУЛІСНЫ“...

Туйас вылын паныдасьлёны пыр унджык и унджык крестьяна, ёткён и чукёр'ясён. Ставныс гёрд бант'ясасёс. Шапкаясныё босьталёмён найё радпырысь чолёмалёны миянёс. А ми кё удитам водзджык найёс прыветсвуйтны—вайёдлыны кинымёс голонёй убор'яс дорё—став крестьяналён чужём'ясныс гордостёён югдылё. Мукёд'яс, тыдалё польской армияын вёвлём'яс, сувтёны „смирно“ да кык чуньныё вайёдлёны фуражка берданыс. Сёмын старик'яс „кёзырайтёны“ роч ногён: став кипыдён-наныс.

Сикт'ясёс гажёдёма тэрмасьёмён вёчём триумфальной аркаясён. Со кык кыз, код'яс сулалёны туй ётмодар бокин, гартёма гёрд лентайн; кыз'яс костё ошёдём плакат йитё налысь йыв'ясёс ворота моз. Гижёд'ясыс белорусской, роч, украинской да польской кыв'яс вылын.

Миян машинасын гажа сёрни. Красноармеец'яс видзёдёны гёгёрбок, индалёны ёта-модлы быдсикас дивёыс вылё, юксёны впечатлениеясён.

Ме гарышті боец'яслы бдительность личёсны позьтём йылысь.

Двухстволкаясён вооружитчём крестьяналён группа вайёдё кёрталём кияса, тыдалё, вёрысь кутём кык офицерёс. Конвоир'яс рада чолёмалёны миянёс, а арестованнойяс видзёдёны зумыша; синбёж пыр.

Пав'ялан сутанаа ксендз мунё велосипедён, кодлён рульыс дзык мегёлён чукуль сюр'яс кодь.

— Мегё вылын поп!—сералёны боец'яс.

Туйвеж'ясын да сикт'ясё пыран'ясын сулалёны воймёмла сёд джуджыд пу крестьяс, код'яс вылё

ошлёма „пан Езусёс“ петкёдлан куклясёс.

Щегольскёй костюм'яса да туйын новлан рудов макинтош'яса пода кык морт, паськыд шляпаясныёс кутышталігтыр, вешійыштёны миян машинасысь. Ёти боец налы прыветсвеннёя ёвтыштіс кинас, но сы вылё сідзикён найё видзёдлісны, мый весиг кисё ниртыштіс, быттьё лякёссьём бёрын.

Приметиталам, мый став крестьяна-мужчинаысыс кётъ и лёк да косясьлём, но кёмаёс; нывбабаяс жё, томсянь пёрысьёдз, арся кёдзыд зэр вылё видзёдтёг, дорыв кёмтёмёс.

Кыззи нё не шензёны став тайётор вылё миянлы, советской йёзлы?

Медводдза местечкоын судём неыджыд танковой отряд. Сувтім.

Быд танк дорын—быд здукё содан йёз чукёр. Вильён локтысь быд морт видлё танкёс кинас, тапкёдыштас броне кузяыс да бёр вешій, юрсё катлёдлігтыр.

— Мый ті ставныд шензянныд?—юалам ми.

Йёз чукёр чёв олё. Войтыр пад'ялёны, нюм'ялігтыр видзёдёны модамёд вылё. Медбёрын ёти смелмёдчис:

— Да миянлы пан'яс шулісны, мый пё тіян став танк'ясныд картонысь.

Йёз чукёр шызис. Ставён ёттшотш кутісны сёрнитны.

— Шулісны: фанераысь пё вёчёма да красітёма.

— Ого! Бур фанера! Пушкаён он жугёд!

— Большевик'яслён пё, вёлі шуёны, ни вёв, ни машина абу. Куш пехота пё, дай сійё сісь кок'яса.

— А ми тёрытсаянь лыддям, лыддям—уна-ё мунё. Лыдсё воштім.

— Миян став Польша пасьтала эз вёв сымьнда автомобильыс, мыйда тёрыт муніс миян сикт пыр.

Став миян военной техника пиысь танк'яс медся ёна чуймёдёны бывшій Польшаын олысьясёс. Мый йылысь кётъ оз заводитчы сёрняыс местной мортлён красноармеецкёд, сійё быть нин пансылас и танк'яс йылысь. Страна пасьтала ветлё уна сюрс висьт миян танк'яс да советской танкист'яслён подвиг'яс йылысь.

Мортысь мортõ вуджõмõн боевой эпизодъяс йылысь висътъяссыс пõрõны бытъõ народной легендаясõ.

Со татшõм висътъяс пиысь õти, кодõс ми кывлiм уна вариантын.

Польской часть дзевсис джуджыд ю сайõ, посяссõ бырõдõмõн. Дас советской танк õдõбйылысь суныштисны ваõ да бердiсны. Офицеръяс, советской танкъяс войõм вылõ радлõмõн, кутiсны сывны гимн: Но кушõм жõ вõли налõн повзõмныс, кор став даснан „войõм“ танкыс бырс петисны ваысь берег вылõ да восьтисны ураганной бя.

И уна, уна татшõм висът удайтчылыс миянлы кывлыны Западной Белоруссияса сиктъясын да каръясын.

И кõн бы ми эгõ паныдасълõ танкъяскõд, ми век адзылiм на гõгõрысь тõдса серпас: содан йõз чукõр, броня кузя тапкõдõм да долыд пырысь гарышталõм:

— Да.. А панъяс шулывлiсны миянлы...

МЕДВОДДЗА СТЫЧКА

Рытъявыв ми õтвесьтасим туй кузя нюжалõм обозкõд. Миян автомобильяслы ковмис виччысьõмõн пыскõдчыны дзик туй боктиыс, медым не жугõдны обозной повозкаясõ. Туйыс кайис чой паныд, веськыдвылын вõлины гõрõм муяс, шуйгавылын—луг, а метр куймсõ кымын сы сайын—вõр.

Сийõ здукнас, кор ми вõлим обоз шõрын, вõрысь клинокъяс лептõмõн лэбыштiс польской кавалериялõн отряд. Офицеръяс, тыдалõ, артавлiсны паника вылõ да кокниа шедан добыча вылõ, но эз ло на ног: найõ эз артыштны, мый уськõдчисны Красной Армия обоз вылõ.

Интендантъяс, писаръяс, ямщикъяс—ставныс сразу лоины боецъясõн да гõститõдiсны панъясõс сэтшõм дружной биõн, мый найõ бурджыкõн лыддисны ретируйтчыны.

Миян неыджыд отряд тшõтш участвуйтiс противникõс отражайтõмын.

Некымын конник, кодъяс обозас вõлины связь кутõм могысь, клинокъяснысõ кыскõмõн, уськõдчисны вõтõдны пышйысь полякъясõс.

Муртса на уськõдчõмсõ лои венõма, ми обозсõ пановтõмõн мõдõдчим водзõ.

Тайõ эпизодыс вõли миянлы медводдза боевой крещениебн.

Рубеж сайын медводдза войсõ ми коллялiм вõрын восьса енэж улын, сентябрьской зэр улын. Но, уль му вылын бергалiг, ми тõдiм, кыдзи вежалõны ми вылõ õни миян ёртъяс, кодъяс колины частьõ. Ми радõсь вõлим миянлы усьõм шудлы—пõртны олõмõ командованиелысь ответственной задание. Ми казътылiм миянõс кыпыда встречайтысь уджалысь войтырõс, и некодi миян пиысь эз эськõсõгласитчы вежны ассыыс чорыд да кõдзыд куйланiсõ рõднõй гарнизоной кольõм небыд, шоньд койка вылõ.

Тайõ вõли рубеж сайын медводдза вой. Задание олõмõ пõрттõдз уна сутки чõж некод миян группаны прамõя эз узылы. Войяснас ми вугравлiм: командиръяс, кинысõ граната вороп вылын зептаныс кутõмõн; боецъяс трехлинейкаõс, кыдзи верной гõтырõс, кутõмõн да цевъё вылõ лэччысьõмõн, а пулеметной расчет—„максим“ дорын.

Тайõ вõли быть колõ, сы вõсна мый польской офицеръяслõн медся райейтан тактикаõн вõлины пельõс сайсян лыйлõм да узысыяс вылõ уськõдчõм.

ВСТРЕЧАЯС

Ми мунiм ылiса проселок кузя. Татi миянõдз эз на прõйдитлыв ни õти красноармейской часть.

— Ёнмõдны бдительность!—сетiс распоряжение группаса командир.

Ме аслам взводын лõсьõдi боевой дасълун: наводчик пулемет сайын, лента суйõма, винтовкаяс наизготовке; автомобильлõн кабина бердõ морõснам лэччысьõмõн ме сюся видзõда водзõ.

Туй бокъясын вуджõртлõны князьяслõн да графъяслõн, лесной угодыясса владелецъяслõн нимъясõн гижõдъяс; и быдын век нин индõма сы йылысь, мый тайõ вõръясас запретитõма кыйсыны, чукõртны увъяс да тшакъяс.

Шочиника вõрыс орывлõ да вõлõны кушинъяс. Гõгõрбок тыртõм.

Вёр'яс помасисны, заводитчисны гежд кустарника муяс.

Кайм мыльк йылб, и друг ме ад-
дза, мый водзын километр ылнаын
кодкэ веськыдвыссян котэртэ туй
дорланыс. Со ещэ ёти, ещэ...

Видзэда внимательнэя и аддза—
нывбабаяс да челяд'яс...

Матыстчим. Крестьянаяслён зэв
ыджыд чукэб ёвтэ мянлы киясэ,н,
корб сувтны. Быд боксянэ котэбён
лотэны выльяс и выльяс.

Мянлы колэ тэрмасыны, но шо-
фер'яс кэсёны заправитны машина-
яс. Группаса командир тшэктис сувт-
ны.

Миян гэгэб уна юр. Чужэм'яс вы-
лын синва да вис'тавтэм радлун.
Сёрниногыс абу польскэй и весиг абу
белорусскэй, а чистэ роч.

— Ёрт'яс, рэднэйас! Ми т'янэс
коймэб лун виччысям. Думайтэ, да
прэйдитас жэ кодкэ-нибудэ и мян
туй кузя.

— Челяд'яс лун и вой туй вылын
караулитэны, а мыйэб кылісны т'ян-
лысь машинастэ вэб сайысь, давай
ёвтчыны. А ми—кодэ му вылын, ко-
дэ сиктыя,—мыйэб аддзим—ёвтчэны,
ставным татчэ!

— Ёрт'яс, мусаяс, да вис'талэй ті
мянлы, кутшэм т'ян олэмыс Рос-
сияны?

— Збыль ёмэй пан'яссэ век кеж-
лэ вэтлиныды?

— Миянас ті дыр кежлэ?

— Пасибэ жэ т'янлы! Доыдлуныс
ёд кутшэм! Кыдзи, вис'талэй, Ста-
лин?..

— А сійэ ми дорэ оз во?

Ми эгэ удитлэ воннымэс восьтыны
вочавидзэм могысь. Миянэс юасём'-
ясэб тыртэны. Ми Краснэй Армия-
лэб медводдза представител'яс, пер-
войя советскэй йёз, код'ясэс кызь во
бэрын медводдзаысь аддзэны тайё
тульскэй, калужскэй, тамбовскэй
крестьяна, код'яс разнэй ногэб весь-
калэмабэс Польшаё да вочасэб чу-
кэртчэмабэс страна быд помысь тайё
роч сиктас. Тані и империалистичес-
кэй война бэрын кольэб салдат'яс,
и советско польскэй война кадся
красноармеец'яс, код'яслы ранит-
чэм вэсна бытэ лэи кольчыны ас
част'ясысь, и СССР-кодэ пограничнэй
Польшалэб роч район'ясысь олысь-

яс. Весиг угнетеннэй белоруссыас
эз испытывайтлыны сійэ издеватель-
ствояссэ, код'ясэс терпитлісны пам-
скэй Польшаын роч'яс.

Кор морт кызь, мёда-мёдысь вед-
раяс нетшкиг, уськэдчисны сиктэ
миян радиатор'яслы вала, беседа
лэис организованныйджык. Но вит
минутэб некыдзи он вис'тав сійэс,
мый кызь воэб чукэбмис сёлэмын.
Крестьяна тэрмасыны аддзэбдыны
ассыныс земляк'яссэ, медым кэты
нин видзэбдыны „ас рязанскэй“ либэ
„моршанскэй“ морт вылэ.

— А курскэйас т'ян пэвсын абу-
эсь?

Сюрисны мян и „курскэйас“. Бе-
седа мёдис мунны „землячествояс
серти“. Боец'яс вис'талэны кар'яс
стрэйтэм йылысь, колхоз'яс быдмэм
йылысь, вуз'яс, завод'яс, метро йы-
лысь.

Крестьяна кывзэны зачарованнэй-
яс моз. Син'ясын и радлун и эски-
тэм:

— Збыль ёмэй сідзи?

Водзланэб пис'кэдчэ чукурэсь чу-
жэма пэчэ:

— А ме Нижнийысь...

— Э, бабушка,—шутитэмэб шуис
ёти боец,—Нижнийыд ёні абу!

Пэчэблэб нюжалэб чужэмыс.

— Кыдзи нэ тайё, мусаяс? А менам
ёд сэн нылэй коліс...

Тэрмасым сійэс такэбды, мый нинэм
страшнэйтор'ясыс Нижнийкэб эз-лэ.
Вис'тавлам автомобильнэй завод йы-
лысь, Алексей Максимович йылысь.
Горькийэс крестьяна тэбэны.

Вайисны нин радиатор'яслы ва, кор
тыдовтчис сиктысь котэбтысь старик.
Сійэ ылысянэ шенасис кияснас, а
воэм бэрын кутіс тырэм ловшыэб
сёрнитны:

— Ёрт'яс, виччысьлэй минут, ми
сайдэ ыстім. Т'янлы кык кэбзина
тыр яблэб вайэны.

Но кутшэма кэты оз петкэбды веж-
тэ яблэбк'яс, лэб ёткажитчыны: ки
оз кыпты примитны тайё гёснечэ
тшыг гёль йёзлысь. Найё, дерт,
не сёмын яблэбк'яс, а медбэб'ря дзэ-
дзэг-порсьэс радэсь вёлі вайны ми-
янлы.

„Ура“ горзэм шы улэ ми вэб'зям,
и дыр-дыр ми кылам Сталины, Во-

рошиловы, Красной Армиялы сём приветствиея горзём.

Час мысти сій жё туйодыс пырим ичотик местечкоё, коді йёжгыльтчыштёма ээ ыджыд старинной замок стенъяс бердё. Местечкоё пыранінас йёз чукёр. Гёрд чышъяна, оёма нывбаба, кисё лэптёмён, горзё:

— Чолём Красной Армиялы! Чолём миянёс мездысьяслы! Мед оласны Сталин да Ворошилов ёртъяс!

— Ура!—горёдёны ставён, и мияны машинаясё лэзьёны уна дасгырысь букет астраясысь, георгинъясысь да хризантемаысысь.

Мунігтыр вочавидзам налы и тювам водзё. Жежим. Выхъ улич, выхъ йёз чукёр, и выхъ дас, сё букет лэзьё мияны. И тадзи быд туйвежын.

Ассыныс став радлунсё, Советской Союз дорё ассыныс став радётёмсё, Красной Армиялы ассыныс став благодарностъёс местечконы олысьяс веськёдісны миян вылё, палён медводдза представительяс вылё. Кор ми петім шоссе вылё, миян машинаяс вёлі чукійён тырёмаёс букетъясён.

Сёрёнджык ми тёдмалім, мый букетъяс босътны абу век безопасно. Мукёд частъясысь боецъяс висъталісны мияны случай йылысь, кор йёз чукёрас сюйсём диверсантъяс шыбытисны букет, код пытшкын вёлма граната.

КӨИНЪЯС

Руа асылё миян машинаяс котёртисны векныдык шоссе кузя.

Водзын туй кузя—группа. Матыстчим.

Дас кымын миян конник шобёны лэптём кияса кык польской салдатёс. На гёгёр некымын крестьяна. Младшой командир-кавалерист корё сувтлыны миянёс.

—Мыйын делёйс?

Войнас кык орчча сиктё, кодъя сулалёны вёрын туйдорсянъ неылын, уськёдчис салдатъяс паськёмё пасътасём офицеръяслён банда. Кыкнан сиктёсё окружитёмён, офицеръяс заводитісны быд керкаыс петкёдлыны став олысьясё да керавлыны найёс пашкаясён. Резняныс муніс систематическёя, „планомёрнёя“, войбыд. Муж-

чинаясёс, нывбабаясёс, подростокъясёс, старикъясёс, кагаясёс—ставсё вёлі керавлёма. Асъядор „уджсё“ вёлі помалёма. Керкаяс озгыны да лыйлыны офицеръяс полісны, медым эз кывлыны красноармейской частъяс, кодъяс вермисны прёйдитны шоссе кузя, но кыкнан сиктас став олысьсё вёлі керавлёма вирён ойдём, изуродуйтём шойяс грудаё.

Крестьяна вылын татшём расправасё офицеръяс вёчисны сысь, мый тёрыт тайё крестьянаыс торжественнёя встречайтисны Красной Армиялысь прёйдитысь частъяс.

Тайё сиктас став олысьсыс сёмын ёти нывбабалы, кодлён ки вылас вёлі нёньпом кага, удайтчис кутшёмкё ногён спаситчыны. Сійё котёртис шоссе вылё отсёг корсыны надеяён и асъядор аддзис конникъяслысь неыджыд группа, коді судіс ассыс частъ.

Тайё нывбабаясылысь шуштём висътсё кылём бёрын кавалеристъяс, кётъ и вёліны этшаёнёс, пыр жё уськёдчисны крестьяналы отсёг сетны. Но вёлі сёр нин. Кыкнан сиктёсё вёлі дорвыв шырёма нин. Кавалеристъяс заводитісны вётёдны палачьясёс, но найё разгысисны быд бокё вёрпасътала. Удайтчис кутны на пиысь сёмын кыкёс. Кутёмъясёс конникъяс петкёдісны шоссе вылё. Тайё здукнас сэтчё воим и ми.

Ёти бандитлён башмак пёдкладсыс сюрис записка, кодёс вёлі гижёма копировка пыр по-польски. Сэні вёлысьяс пиысь некод эз вермы сійёс лыддыны. Крестьяна, кодъяс дорё ми шыёдчим, падъялёмён паськёдісны кинысё:

— Огё кужё!

Ставын найё вёліны неграмотнёйёс. На пёвсын вёлі сёмын на школа помалём подросток, но став сылён грамотностыс петкёдчис сёмын ассыс овсё кырымавын кужёмён. Польской „просветительяс“ лыддылісны, мый крестьянинлы тайё знаниеясыс дзёк тырмымён.

Ме ачым заводиті лыддыны запискасё, йёз кыв вылын тёрмасёмён гижём букваяс съёкыда лыддигтыр.

— Начальник ёрт, — документёс кык-куим минут чёж изучайтём бёрын докладывайта ме,—запискаын, каръ-

яслон да местечкояслон нимъяс кындзи, нинѡм абу.

Юасям арестованнѡйс, мыйла сы ордын тайѡ запискаыс. Крестьяна переводитѡны сылы миянлысь юалѡм и сэсся сылысь ѡтветсѡ.

Арестованнѡй висьталѡ, мый сійѡ мобилизуйтѡм салдат, а гижалѡм каръясыс—сэтшѡм каръяс, кодъяс пыр налысь частьсѡ вѡтлісны фронт вылѡ. Сійѡ гижаліс кар нимъяссѡ сымогысь, медым не воштыны гортлань туйсѡ, кор мѡдас армияысь.

Ставыс тайѡ явнѡй да наглѡй лѡж.

Видзѡдам карта вылѡ. Пасьялѡм каръясыс сулалѡны вѡвсе оз ѡти визь кузя, а разіпель быд бокрын зэв паськыд пространство вылын. Ни ѡти воинскѡй часть эз вермы, дерт, мунны фронт вылѡ татшѡм лѡсявтѡм туйѡд: то сѣ километр вылѡ войвывлань, то сы мында жѡ лунывлань, то пѡшти СССР-са граница бердѡдз, то Варшаваланьѡ и с. в. Да и кутшѡм салдатлы колѡ гижавны гортлань туйсѡ? Ми ог ѡмѡй тѡдѡ, кызди империалистическѡй война помалѡм бѡрын салдатъяс—сибирякъяс либѡ архангельцы пискѡдчылісны гортланьныс Галицияысь да Закавказьеысь некутшѡм запискаястѡг? И мыйла сійѡ гижис запискасѡ копірка пыр?

Ставсѡ тайѡс юалам арестованнѡйлысь.

Сійѡ чѡволѡ.

Да и мый сійѡ висьталас? Делѡыс дзик гѡгѡрвоана. Тыдалѡ, тайѡ вѡрса кѡинъяслон эмѡсь кутшѡмкѡ преступнѡй думъяс.

Кыкнан арестованнѡйыс пасьтасѡ—маѡсь обычнѡй польскѡй салдатскѡй формаѡ—бутцы, обмоткияс да больничнѡй халатъяс кодъ паськыд турунвиж шинельяс. Но тайѡ маскарадъс омѡля налы ѡтсалѡ. Холенѡй чужѡм, вѡсни да гадьястѡм чуньяс и лѡглунон ѡзыян синьястѡ он дзеб некутшѡм маскарадѡн.

— Майор ѣрт!—кавалерист шыасис миян группаса командир дорѡ.—Разрешитѡй со тайѡ сволочсѡ нудны вѡрѡ да помавны. Нывбаба шуѡ, мый тайѡ буретш главнѡй атаманыс. Сійѡ и миянлысь ѣртнымѡс лыйис.

— Нинѡм вылѡ энѡ,—вочавидзис миян командир,—нудѡй да сдایتѡ найѡс медматысѡ местнѡй самоуправлениеѡ, а асьныд судѡй асьсыныд часть. Машинаяс вылѡ!

И тайѡ группасѡ кольѡмѡн ми мѡдім водзѡ ас маршрут кузя, выль дольд да трагическѡй встречаяслашѡ.

УРОЖАЙ ЛУН

А. ФИЛИППОВ

Кытчѳ он видзѳдлы—
Паськыдѳсь муяс;
Ылысь ни матысь
Он аддзы бор.
Лунтѳлѳн вѳрѳны
Морт кузьта сюас.
Шондѳлѳн дзирдалѳм
Синтѳ оз ѳр.

Ид и сю быдмѳны
Весьт кузя шепта.
Найѳысь нянь лѳѳ
Медпервой сорт!
Быдмы жѳ, бур сюѳй,
Вылѳджык лѳптысь,
Шуда мед лоас
Колхозник ѳрт!

Тонѳ нин воѳм сю.
Сылѳмѳн, гажѳн
Вундѳны-чарсѳѳны
Уна збой ки.
Тѳрыба, кужѳмѳн,
Ударнѳй ѳдѳн
Гартыштѳ том нывка
Йи вылѳ йи.

Бур козин сѳтамѳ
Урожай лунлы!
Бур сюлѳн водзѳ мед
Паськалас рѳд...
Зѳв ыджыд аттѳѳ кыв,
Сталин ѳрт, шуам
Шудысь да гажысь
Сьѳлѳмсянь тѳд.

ВАРОВ ЕЛЕСЬ

ИВАН ВАСЬ

(Басня)

Рытгорув коркѡ Варов Елесь,
Чѡв овны эз куж кодї здук,
Звѡз вывсянь кызкѡ аддзис друг,
Бикинѣ кыздз кайѡ пывсян щельысь.
—Сѣморѡ,—шуис,—кызди ньѡр
Би кывйыс нюлѡ менсьым овмѡс!
Дерт, йѡзѡс чукѡстлыны ковмас,
Кор пывсян шомѡ эз на пѡр.
И аскеж сѣрни нуигтыр,
Клим ордѡ Елесь сэк жѡ тюрис.
—Но, мый нин, вокѡ, вайин бурѡс,—
Кѡзяин шуис сылы пыр.
—Да кызди шуны, кодї тѡдас!
Век со тай кольѡ лун да вой.
Век мыйкѡ нырам-вѡчам сьѡдас,
Ог ѣна шойчѡдывлѡ сой.
Со тѡрыт вѡрѡ ветлі песла,
Тшан кыза конда вайи сѣсь,
Дай талун гортын эг ов весь.
Кузьлун на пила пиньяс кеслі.
И Елесь водзѡ сѣрни нуис
Да висѣталіс на унатор,
Мый вѡчліс сійѡ кѡн да кор,
Но Клим дядѣ сѣки сылы шуис:
—Нол, кывзыв, вокѡ, кутшѡм гор
Тадз ывла вылас юргѡ кылѡ,
И мыйла том войтыр и дзор
Рытгорув петѡ ывла ывлѡ?
Друг Елесь чеччис очмигтыр.
—Од пывсян менам ѡзйѡ биѡн,
Дерт, кѡнкѡ котѡртѡны сійѡн...
Дзик вунлі менам сѣрнипыр.
И, упкигтырйи, пывсян дїнас
Дзик пыр жѡ муніс Елесь дядѣ,
Но сылѡн вѡвлѡм стрѡйба инас
Эз вѡв нин сѣки ув ни бадѣ.

Удж кодыр кѡсьян вѡчны ладѡн
Да помѡдз вайны сійѡс стѡч,—
Эн прѡстѡ больгы, весь эн жѡдз,
И артмас сійѡ аслас кадын.

ФОМА ЛЁКМОРТОВ¹

М. ЛЕБЕДЕВ

(Из записной книжки случайного путешественника)

В 1910 году, летом, в самый разгар сенокоса, пришлось мне побывать в верховьях Вычегды, этой чисто-коми реки, текущей среди дремучих когда-то лесов, истребляемых в настоящее время довольно бестолковым и немилосердным образом.

Вперед я проехал на пароходе, но увы, это был последний рейс, совершаемый в виде прощального визита коми захолустьям, затерявшимся на далеком севере. Мелководье было ужасное. Пески загромождали всю реку, перекидываясь длинными косами с берега на берег. В одном месте я видел купающихся ребятишек, которые свободно переходили Вычегду, делая в то же время смешные рожи по адресу ползущего среди песков парохода. Словом, случилось так, что судоходство прекратилось до осени, лишив целый край культурной связи с остальным миром.

В верховьях Вычегды я прожил недолго, не более недели. Дела мои были кончены. Надо было подумать о возвращении. Я невольно вздохнул при мысли об удобном, хотя и шумном пароходе и пустился назад уже по земскому тракту, подолгу задерживаясь на ямских станциях, где мне не торопились подавать лошадей, оправдываясь недосугом по случаю страдного времени.

Признаться, мне самому было немного совестно отрывать крестьян от

работы, но сидеть в какой-нибудь коме деревушке и ждать конца сенокоса тоже не представлялось возможным. У меня было спешное дело, не допускающее и мысли о более или менее продолжительной остановке. Приходилось даже нередко предъявлять свой „земский билет“, дающий мне право требовать подводу с платою установленных прогонов.

Это был драгоценный документ, укрощающий самых строптивых содержателей станций. Действие этого билета было поразительное. Ямщики делали кислую физиономию и, лениво поворачиваясь, уходили запрягать лошадей, причем они нарочито долго и нарочито старательно смазывали колеса у телеги, предназначавшейся под мою персону.

Счастье еще для меня, что я плохо понимал по коми, иначе мне пришлось бы выслушать много нелестных замечаний по адресу своей особы, путешествующей в разгар сенокоса, когда для крестьянина—как выразился один из ямщиков—каждый час десять рублей стоит.

Впрочем, по правде говоря, взрослые работники-мужчины везли меня редко, чаще же всего на козлах красовалась тощая костлявая фигура какой-нибудь дряхлой старухи, или же сидел с комически-важным видом мальчик подросток, которые и доставляли меня до следующей станции.

Из одного села повез меня седой, как лунь, старик, отставной заслуженный солдат, свободно объясняю-

¹ Рассказ напечатан в „Известиях“ архангельского общества изучения Русского Севера № 8, 1914 г.

щийся по-русски, благодаря чему я мог с ним перекинуться несколькими словами.

— Что, дедушка, много здесь бывает проезжающих?—спросил я его, трясаясь в гробоподобном тарантасе, танцующем на посыланных поперек дороги жердях, которыми „заботливое“ земство замостило особенно грязные места.

— А это когда как. Например, теперь, кроме почты, почти никто не ездит. Кому охота в такую жару тащиться! А осенью и зимой проезжающих бывает достаточно. Одних лесных приказчиков сколько проедет—страсть!

— И, наверное, вы получаете большую выгоду от этих приказчиков?—полюбопытствовал я, зная по наслышке, что служащие архангельских лесопромышленных фирм щедро платят за прогоны и вообще любят под веселую руку сорить хозяйскими деньгами.

— Да, пользуемся иногда,—ухмылялся старик.—Приказчики—народ богатый, ничего не жалеют для своего удовольствия. Жил у нас в прошлом году один доверенный, человек холостой и выпивающий, так он что делал? Соберет, бывало в пьяном виде баб и девок, сядет в большие дорожные сани, да и командует: „Эй, красавицы, везите меня по селу! Запрягайтесь в оглобли, чорт вас побери! А за вашу лошадиную прыть даю вам всем по целковому в зубы!..“ А бабы, конечно, тому и рады. Живёхонько протащат его по селу и по целковому в зубы получают. Поте-ха!

— А мужики не препятствуют бабам возиться с приказчиками?

— Нет, зачем препятствовать. Ведь, целковые на улице не валяются,—какой дурак станет от них отказываться. Да и нельзя мужикам ссориться с приказчиками. Приказчики сортовой лес заготавливают, а на сортовой заготовке вся наша волость работает. Как тут смеешь препятствовать!

— А много можно заработать на этой заготовке?

— Нет, какое там много. Но, все-таки, на подать и на выпивку зашибают. Ведь много только Фома на-

живает, даром что такой же сивопалый мужик, как все прочие...

— Какой Фома?

— Неужто Фому не знаете?—как будто удивился ямщик, повертывая ко мне свою белую бороду.

— Не знаю.

— Да, ну!

— Право, не слыхал о таком.

— Да его в Петербурге знают! Он недавно к министру с прошением ездил... В думе побывал, царя повидал... Даром, что коми человек, как мы! Вот!

В голосе ямщика послышались хвастливые нотки. Он, видимо, гордился тем, что такой же коми, как он, ездил к министру в Петербург, где даже побывал в думе и повидал царя. Это меня заинтересовало. Я спросил его:

— Чем же прославился этот Фома? Вероятно, он очень хороший человек, если такой знаменитый?

— Да, хороший... даже слишком хороший!—иронически засмеялся старик.—Избави нас бог от таких хороших людей! Лучше бы подальше от них быть, ей-богу!

— А что?

— Хитрый он, лукавый, как бес, никакого закона не признает, всех надувает, всех обижает, всем грубости говорит, а сам живет как барин, как помещик... Деньги лопатой загребают... Да вот увидите сами, каков наш Фома...

— Где я его увижу?

— Я вас к нему привезу. У него земская станция. Он содержанием состоит...

— Значит, он в соседнем селе живет?

— Да, да. Через час у него будем. Он всегда дома сидит, музыками забавляется... Его всегда у окошечка увидеть можно... Ему что! Еще осенью шестьсот целковых за делянку получил...

— За какую делянку?

— За лесную делянку. На торгах по ручательству купил, а потом фирме продал... Полтора человека за него поручались. А теперь этим поручителям, кажется, платить за него придется... штраф какой-то... Вот и ручайся за таких хлюстов!

На этом разговор оборвался. Возница подобрал возжи и погнал лошадей, наполняя воздух звоном большого медного колокольчика, висевшего под дугой.

По сторонам тянулись поля, засеянные ячменем, который уже начал желтеть, клонясь к земле под тяжестью увесистых колосьев. В отдалении виднелась рожь, волнующаяся под напором налетающего ветра, приносящего ко мне аромат диких цветов. Местность была унылая, грязная, холмистая, покрытая кое-где группами чахлах деревьев, не имеющих ничего общего с теми „величественными соснами, кедрами и лиственницами“, какие обыкновенно видят некоторые путешественники, не слезающие даже с парохода при „моездке“ по Коми краю.

Дорога повернула влево и пошла под гору, сбегаая на берег Вычегды, течению которой она следовала. Поля остались позади. Впереди открывался широкий простор заливных лугов, кишевших работающими на них крестьянами, казавшимися с горы маленькими разноцветными точками, копошившимися на фоне зелени.

— Э, сколько там народу! И всяк в поте лица старается!—вдохнул ямщик и попридержал коней, чтобы не опрокинуть тарантас при крутом спуске пожни.

На меня пахнуло тем характерным, сильно бьющим в нос ароматом свежескошенного сена, который так радует сердце крестьянина, считающего хороший урожай травы равнозначущим хорошему урожаю хлеба. Мы поехали по лугам, кипевшим жизнью и движением. Передо мной замелькали белые, синие, розовые и ярко-красные рубашки мужчин, косивших траву косами-горбушами, ярко блестящими на солнце. Девушки были в цветных сарафанах и кофточках, сшитых с претензией на „моду“. В косах у них развевались алые и голубые ленточки, служившие несомненным доказательством их „девического положения“. На женщинах же красовались только одни исподние рубашки, еле доходившие до колен.

— Однако, ваши бабы не стесня-

ются,—заметил я ямщику:—в одном белье работают.

— Чего стесняться? — прехладнокровно возразил мне старик.—Ведь они не девки, а бабы. А бабам и бог велел без сарафанов ходить. Ежели жара такая.. Вот они и сняли сарафаны!

Я глядел по сторонам и видел таких же мужиков и баб, как и в средней полосе России. Разницы почти никакой не было. Те же загорелые, потертые нуждою лица, выражающие вечную заботу о хлебе насущном; те же лохматые, всклокоченные бороды у мужчин, работающих с обычным крестьянским усердием; наконец, то же стремление одеться в ситцы пестрых цветов, до чего, как я заметил, коми большие охотники..

Я сидел в быстро несущемся тарантасе и думал об одном путешественнике, ухитрившемся подметить на лице коми черточки несомненного китайского происхождения..

Это заставило меня вспомнить о том, как некий, весьма умный и весьма ученый немецкий профессор, побывавший в России в пятидесятых годах прошлого столетия, описал русскую православную обедню, которая, по его словам, начиналась возгласом; „Во имя государя императора и наследника цесаревича“..

— Э, да вон и сам Фома, про которого я вам рассказывал,—воскликнул ямщик, натягивая возжи.—Ишь ты, на пожню даже выехал, не боялся, что лопнет на такой жаре! Видите, какое у него пузо—точно у беременной бабы..Тьфу!

Я поднял голову. Впереди виднелся новенький, чистенький тарантас, запряженный в одну лошадь, стоявшую поперек дороги. В тарантасе сидел тучный широкоплечий человек в красной рубашке, утирая белым платком смуглое одутловатое лицо, обросшее черною, как смоль бородою, опускавшейся почти до половины груди. Ветер сильно взлохматил его черные же волосы, не прикрытые фуражкой, которую он держал в левой руке. Перед ним стояли два мужика и три бабы, имеющие вид провинившихся школьников, распекаемых строгим учителем.

— Я остановлюсь тут на минутку... поговорить мне надо,—полувопросительно обратился ко мне возница и, не дожидаясь ответа, осадил лошадей в двух шагах от Фомы, обвернувшегося на звон колокольчика.

Я поглядел на этого „знаменитого“ человека, он поглядел на меня, и оба мы промолчали, сделав вид, что не интересуемся друг другом. Зато мой ямщик с суетливою поспешностью стащил с головы свой картуз и затараторил с толстяком по коми, величая его Фомой Даниловичем.

Разговор у них тянулся, однако, недолго. Фома резко оборвал его на каком-то слове (если только не на полуслове) и устремил на меня свои большие, острые, насмешливые глаза, белки которых были налиты кровью, что придавало его лицу выражение коварства и жестокости.

— Не знаю, как вас звать—величать,—заговорил он глухим хриплым басом, вылетавшим из его груди, точно из порожней бочки.—Может быть, вы очень большой чиновник, а может быть и совсем маленький: на лбу у вас ничего не написано!..—Он ухмыльнулся и продолжал:—А я содержатель той станции, до которой вас Григорий везет. Зовут меня Фомой Лёкмортковым... Может слышали?

— Нет, не слышал.

— Ну, может, и не слышали. Где же слышать про такого бедного человека, как я!—с оттенком язвительной иронии сказал Лёкмортков.—Так, вот ваш ямщик говорит, чтобы вы пересели в мой тарантас, а его отпустили домой. Я тоже домой сейчас поеду и могу вас увезти по пути. Можно?

— Я ничего против этого не имею. Надо только уплатить ему прогоны...

— Прогоны вы мне же уплатите,—перевбил Фома:—а мы с ним потом разделаемся. Ведь, так, Григорий?—обратился он к моему вознице, глядевшему на него с видимым подобострастием.

Тот утвердительно закивал головой.

— Так, так, Фома Данилович. Уж мы с тобой сладимся. Об этом и толковать не стоит.

— Ну, пожалуйста сюда, коли так,—указал мне Фома на свой тарантас.

—Сегодня я вас до дому довезу, а завтра дальше отправлю.

— Как завтра?

— А так, когда завтрашний день настанет!

— Но я хотел бы без задержки ехать.

— Мало-ли чего вы не хотели бы! А ежели у меня лошадей нет?

— Но я еду по билету земской управы.

— Вот вы и запрягайте свой билет да и поезжайте на нем, если не терпится!—грубо захохотал Фома, перебивая меня.—А лошадей до утра не будет. Не на себе же мне вас тащить!

— Ничего, успеете еще,—вмешался в разговор мой ямщик, желая вероятно, смягчить грубость Лёкморткова.—Фома Данилович не такой человек... Он не задержит вас зря...

— А ты, Григорий, не суйся в чужое дело!—по-русски же прикрикнул на него Фома, сердито хмуря брови.—Я не с тобой говорю! Так что же, согласны со мной ехать или не согласны?—спросил он меня, старательно вытирая платком лицо и шею.

— А вы не побьете меня?—осведомился я, не зная, как отнестись к вызывающим словам этого грубияна.

Фома опять засмеялся.

— Нет, я только дураков бью, которые меня оскорбляют. А вы ведь не дурак, кажется.

— А вы почему знаете?

— Я по разговору вас вижу. Да и лицо у вас не совсем дурацкое...

— Какой вы проникательный, однако!—невольно улыбнулся я и начал вылезать из телеги Григория, чтобы пересест к этому брюхану, на которого мой земский билет не произвел ожидаемого впечатления.

Фома освободил для меня местечко в тарантасе, указал Григорию, куда примостить мой чемодан, и сердито заорал на двух мужиков и трех баб, стоявших перед ним в момент моего приезда.

Те смиренно выслушивали его, изредка вставляя какие то односложные слова, от которых он еще пуще

разгорячился и брызгал слюнами, снабжая свою речь чистейшим русским матерным ругательством, звучащим в его устах особенно грубо и выразительно.

— Уджавны колѡ! Уджавны колѡ! — повторил он несколько раз и, взяв в руки возжи, тронул лошадь, пугливо бросившуюся вперед при первом движении хозяина.

— Что значит: уджавны колѡ? — спросил я у Фомы, когда мы уже отъехали от места остановки.

— Это значит: работать надо! Я их за леность пробирал, за то, что они мало сена скосили. Без ругани с ними нельзя, ничего от них не добьешься...

— Это ваши работники, что-ли?

— Да, поденщики. Я им деньги плачу, а приезжаю, вижу: они под кустом лежат, покуривают, никаких не признают. Точно чиновники какиенибудь, которые даром жалованье получают!

— Очень уж жарко теперь, — заметил я. — Может они только ненадолго прилегли отдохнуть в тени.

— Отдыхать поденщикам не полагается! — проговорил Фома тоном непреложного убеждения. — Разве я им за отдых деньги плачу? Нет, уж на это я не согласен. Пусть они с утра до вечера работают, вот как по-моему!

— Но, ведь, теперь день очень долгий.

— Тем лучше для меня. Я заставляю их от восхода солнца до заката работать. Мне что! Ежели я деньги плачу...

— А сами вы не работаете?

— Сам? Нет, я не работаю. Я только глазами работаю.

— Как глазами?

— А вот так: руками пусть другие работают, а я на эту работу гляжу да денежки за то получаю!

— Это за чужую работу?

— А хоть бы и за чужую. Ведь, все-таки, я гляжу на эту работу, забочусь, значит. Глазами работаю. Вот и получаю свою выгоду!

Фома хлеснул лошадь плетью, гикнул и лихо покатыл по дороге, поглядывая на меня своими черными

наглыми глазами, искривившимися тонкою насмешкою.

Ямщикал он великолепно, проворно управляя лошадью, которая неслась во всю прыть, не уступая любой тройке по быстроте бега. Лицо его заметно оживилось. Губы довольно улыбались. Брюхо торжествующе выдалось вперед, занимая чуть не половину тарантаса, в котором я, в сравнении с Лёкмортовым, казался таким маленьким, тщедушным человеком. Удовольствие его, испытываемое при этом, было несомненное. Он, видимо, гордился тем, что владеет хорошим резвым конем, столь не похожим на загнанных и тощих станционных кляч.

— Каков мой Серко, а? — хвастливо промолвил он, пустив лошадь шагом в гору, куда повернула дорога с пожен. — Что, нравится вам?

— Ничего, лошадка шустрая. Где вы ее купили?

— Я ее на другую лошадь обменял. На празднике дело было. Хозяин этого Серка ко мне пришел... Я его угостил, как следует, прямо можно было сказать, в дрызг напоил. А потом о лошадях разговор завел. Он своего Серка хвалит, я своего Савраска хвалю... Шире да дале... Долго мы так спорили... А потом я и говорю ему: Давай-ка, мол, Иван Иванович, поменяемся лошадами? — Давай, говорит. А сам почти ничего не понимает, сидит, как истукан, пьяный, как стелька... однако, еще о придаче бормочет что-то... Я ему десятку придачи предложил, при свидетелях отдал... Потом мы по рукам ударили... Расписочку формальную написали, благо у меня волостной писарь в гостях случился... Все как следует быть, по закону. Марочку на расписочку наклеили. Он своей рукой подписался — не выскоблишь... Так и поменялись мы с ним. А этот Серко, по крайней мере, восемьдесят рублей стоит, а моему Савраске вся цена двадцать рублей... Ха, ха, ха!

— Однако! — покачал я головой. — Ловко вы его обставили! А потом он не каялся в том, что лошадью поменялся?

— Какое не каялся! Несколько раз ко мне приходил, плакал даже... про-

сил обратно поменяться. Но ведь у меня все по закону было сделано... Я, конечно, не согласился...

— И вам не совестно было?

— Чего совестно?

— А вот, что пьяного человека обманули?

— Как обманули?

— Как вы сами рассказывали!

— А чорт вас поберет совсем!— вдруг рассердился Лёкмортон.— Вы ничего не понимаете. А еще из русских людей, которые всегда понятливы бывают. Говорю вам, он добровольно со мной поменялся, своеручно расписку подписал. При свидетелях дело было. А ежели он в дураках остался, так дураков учить надо! Вот что! Вперед наука!

Он подождал, пока лошадь поднималась на гору, потом дернул возжи и ударил плетью, отчего добрый Серко стрелою помчался по дороге, извивающейся по реденькому перелеску, сменившему веселый простор заливных лугов.

Разговор у нас оборвался. Фома насупил брови и поджал губы, огорчившись, вероятно, моим замечанием о бесчестности его поступка, в котором он не находил ничего предосудительного. Я тоже молчал, не зная как отнестись к словам этого грубого, беззащитного человека, открыто заявляющего о том, что „дураков учить надо“. Мне прямо так и хотелось назвать его мерзавцем в ответ на рассказанную им историю об обмене лошадьми, но, разумеется, я ничего не сказал, вполне резонно рассуждая, что „благородным негодованием“ Фому удивить не удастся.

— А вот и наше село,—проговорил Лёкмортон, нарушая молчание.— Скоро у меня будем... на станции... А Серко все-таки хорошая лошадь! Очень хорошая!—подмигнул он мне, давая этим понять, что мое „осуждение“ не произвело на него никакого впечатления.

— Я и не говорю, что нехорошая,—отозвался я, глядя на высокую белую колокольню, показавшуюся из-за березовой рощи, заслоняющей вид на село.

— А хозяин Серко, все-таки, в дураках остался!—ехидно ухмыльнулся

Лёкмортон и вихрем влетел в деревенскую улицу, служившую продолжением земского тракта, по обоим сторонам которого были разбросаны крестьянские дома без всякого плана и порядка.

Мы промчались мимо церкви, мимо волостного правления, мимо училища, свернули в узенький кривой переулок, образуемый двумя изгородями, и остановились у крыльца большого деревянного двухэтажного дома, окруженного многочисленными надворными постройками.

— Вставайте! Приехали!—возгласил Фома и с кряхтением вылез из тарантаса, поворачиваясь с медвежьей ловкостью.

Я хотел было собственноручно взять и нести свой чемодан и подушку, не надеясь уже на любезность Лёкмортон, но он не допустил меня до этого, говоря:

— Нет, нет, вы не беспокойтесь. Это ямщицкое дело. Я вот жене прикажу, чтобы она постаралась, а бабину как же можно?

Он несомненно трунил надо мною, выговаривая слово „барин“ с каким-то особенным выражением, но я сделал вид, что не заметил насмешки и молча поднялся за ним на крыльцо, откуда уже бежала навстречу толстенная коренастая полнолицая женщина, одетая в розовый ситцевый сарафан, обшитый по подолу пятиэтажным рядом черных полосок-отделок.

Фома сказал ей несколько слов по коми и повел меня в верхний этаж, где помещалась земская станция.

— А вы на какой должности служите?—спросил он меня, подождая, пока я рылся в чемодане, внесенном в комнату его женою.

Я удовлетворил его любопытство, добавив, что видел в Коми крае много интересных вещей, которые я записал себе на память.

— Ну, это пустяки!—махнул рукой Лёкмортон.— У нас ничего интересного нет. Вот разве только меня описать, как я от лесного ведомства страдаю, так это вышло бы интересно... А остальное—все пустяки.

Я не стал возражать и попросил

Фому распорядиться насчет самовара, о котором я давно мечтал.

— Вы лучше ко мне перейдите, вот туда, на другую половину, — предложил мне Лёкморт, указывая на дверь, ведущую в соседнюю комнату. — Там поспокойнее будет, а здесь станция, так станция и есть. Пожалуй, еще подъедет кто-нибудь... стеснит вас...

— Все равно. Можно и туда, — согласился я и перешел в жилище Фомы, удивляясь его ласковому обращению со мной, чего я никак не ожидал.

— Вот я сейчас жене прикажу самовар готовить, а потом мы на граммофоне проиграем, — проговорил он и скрылся за дверью, тяжело топоча ногами по полу.

Я огляделся по сторонам. Комната была большая и светлая. Стены были оклеены обоями, изображающими какие-то диковинные цветы, не имеющие ничего общего с земною растительностью. Пол блестел, как паркет, шеголяя новенькой желтой краской. Около стен стояло до полдюжины маленьких узеньких столиков, покрытых белыми вязанными салфетками. У печки-голландки на высоком камоде виднелся граммофон, окруженный кучей беспорядочно разбросанных пластинок. Тут же лежала толстая „конторская“ книга с наклеенным на обложке синим ярлыком, на котором было выведено крупными буквами: „Приходы и расходы по заготовке сортового леса Фомы Лёкморта“.

Я глядел и удивлялся, видя перед собой совсем не деревенскую обстановку, заставляющую предполагать в хозяине если не богача, то человека с богатыми замашками. Книга с синим ярлыком пояснила мне многое. Я, так сказать, окончательно убедился, что случай свел меня с одним из коми кулаков-хищников, занимающихся подрядами по заготовке и сплаву сортового леса, где они самым бессовестным образом эксплуатировали нанятых рабочих.

Вернувшись в комнату, Фома подошел к граммофону и начал заводить пружину, говоря мне в то же время.

— Эту штуку я из Варшавы выпи-

сал. Сорок рублей заплатил. Просил было в рассрочку продать, но они наложным платежом выслали, не поверили мне. Ну и пришлось выкупить с почты. Делать нечего, варшавских жуликов не проведешь. Не таковские. Так и не удалось их надуть. Досадно даже... ха, ха, ха!

Он взял со стола первую попавшуюся под руки пластинку и пустил механизм в действие, повернув рупор граммофона в мою сторону.

Игра продолжалась до тех пор, пока на столе не появился самовар, весело шумевший и фыркавший. Фома переиграл мне более десяти пьес, отличавшихся самым „пикантным“ содержанием. Он положительно смаковал музыкальные сальности, восторгаясь сногшибательными куплетами кафешантанных певичек, увековечивших свое искусство в граммофоне. Я слушал „из любезности“, не желая обижать хозяина своим невниманием. Появление самовара заставило, однако, прекратить музыку, за что я был от души благодарен.

— Да вы не беспокойтесь: у меня, ведь, все есть... ничего не надо! — остановил он меня, заметив, что я хотел достать из чемодана кое-что к чаю. — Я вас, как гостя, угощу, безо всякой там церемонии. А вы зато мне одну казенную бумагу прочитаете, которую я никак понять не могу. А бумага эта очень важная, сотнями рублей пахнет...

— С удовольствием, — отозвался я, поняв, наконец, причину его неожиданного хозяйского радушия, удивившего меня необычайно.

— Я человек малограмотный, а вы люди образованные... Так вот, попьемте сначала чайку, а потом я побеспокою вас насчет этой бумаги. Я, видите ли, заготовкой сортового леса занимаюсь... с архангельскими фирмами дело веду... Много у меня переписки бывает...

— Наверное, вы большие деньги зарабатываете на этой заготовке? — спросил я, вспомнив слова ямщика Гигория, охарактеризовавшего Фому, как необыкновенно хитрого и предпримчивого человека, покупающего и продающего лесные делянки.

— Да, тысячи полторы в год на-

живал иногда,—хвастливо промолвил Лёкмортон.—Мне много и не надо. Куда мне с большими деньгами? Я и на полторы тысячи могу хорошо прожить...

Он крикнул жене, чтобы она принесла карамель и варенье, сам разлил чай по стаканам, наложил в них сахару и, непринужденно развалившись на стуле, продолжал:

— Я вам все расскажу по порядку. Здесь каждый год бывает лесная заготовка. Архангельские купцы, шведы, англичане и прочие иностранцы наш коми лес у казны скупают и весною в Архангельск сплавляют, а оттуда за границу отправляют. Страшно они на этой заготовке разживаются, целые груды денег загребают. Сами они, положим, редко сюда заглядывают, а все дело правят ихние доверенные: осматривают лесные делянки, нанимают и рассчитывают рабочих, якшаются с лесным ведомством, а чаще всего сдают заготовку местным подрядчикам, чтобы не возиться по мелочам с глупыми рабочи-

Я тоже подрядчиком состоял, злыми фирмами дело имел, ты-полторы в год зарабатывал. Мне много-ли надо? У меня семья небольшая... Я жил лучше всякого чиновника. Ел, пил, что захочется, на пароходах всегда в первом классе ездил, стерлядку по целковому фунту покупал, коньяк стаканами тянул, в карты с богатейшими купцами играл, много выигрывал и проигрывал... Да!—вздыхнул он, грузно повернувшись на стуле...—славно я жил с этими подрядками, никакого горя не знал. У меня рабочие работали, а я за ихнюю работу денежки в свой карман клал. Я глазами работал, а они руками. Я их строгости держал... вот так, видите?—Он поднял над столом свой крепко сжатый кулак, поросший черными волосами.—Это всегда так бывает. Кто ловок, тот и наживается. Кто силен, тот и давит слабого. Кто умен, тот за счет глупых живет. Дураков жалеть нечего, ежели они сами в петлю лезут. Правда ведь?

Я пробормотал что-то неопределенное, стесняясь ответить Фоме, что так поступают только мерзавцы,

потерявшие стыд и совесть. Я сидел за его столом, а это уже некоторым образом обязывало меня слушать его без возражения, давая ему волю высказаться. Вдобавок, мне интересно было побеседовать с таким человеком, проповедующим открытое хищничество, возведенное им на степень довольно почтенного занятия.

Говорил он грубым, тяжеловесным голосом, произнося некоторые слова на коми лад, хотя видимо, старался щегольнуть передо мной знанием русского языка. В особенности же его выдавали буквы „ф“ и „х“, которые он выговаривал как „п“ и „к“, чем вообще грешат все коми, умеющие объясняться по русски.

— Да, хорошо я жил... очень хорошо!—опять вздохнул Фома, помешивая ложечкой в своем стакане.—Ел, пил, гулял в свое удовольствие, деньги горстями бросал, никакого чорта не боялся. Меня эти самые лесопромышленники дошлым зырянином прозвали. А один лесной доверенный прямо мне говорил: „Жулик ты, Фома, а человек полезный для нас! Дошлый зырянин, одним словом!..“ А я ничего, только посмеиваюсь. Мне что! С меня, как с гуся вода! Мне только дай на подрядах попользоваться, а там величай как угодно. От слова ничего не делается... Да, много я этих самых подрядов выполнил, много денег получил. А все глазами работал, смотрел только, распорядился, покрикивал. Все на мужицкой спине ехал. Сторона у нас бедная, безхлебная. Заработку все рады. Вот и шли ко мне на лесную заготовку, чтобы кусок хлеба добыть...

— Но вы же говорили мне, что страдаете от лесного ведомства?—напомнил я Фоме, увлеченным повествованием о своей промышленной деятельности.—А между тем, ничего подобного из ваших слов не видно.

— Погодите, дойду и до этого,—тряхнул головой Лёкмортон, допивая стакан чаю и наливая другой.—От подрядов я в убытке не оставался, а вот захотелось мне, ради пущей прибыли, самому сделаться хо-

зяином-лесопромышленником... Ну, и пошли неприятности. Дело это, видите-ли, так вышло. Пришел я однажды к знакомому лесничему, разболтался с ним о том, о сем. А он и говорит мне: „Зачем ты, Фома Данилович, на архангельских лесопромышленников работаешь? Ты бы, говорит, лучше сам для себя делянку на торгах купишь тем же лесопромышленникам бы продал. Гораздо бы, говорит, выгоднее было“.—А я ему отвечаю: Денег, мол, нету на такое дело. А тут, мол, тысячный залог требуется и прочие другие расходы.—„А ты, говорит, ручательство от крестьян возьми“.—Какое ручательство?—„А вот, говорит, какое... и разрисовал он мне такую картину, что прямо меня в жар бросило. Я даже не поверил сначала, а потом правда оказалась.—„Ты, говорит, Фома Данилович, о залоге не думай. Такой закон, говорит, есть, что крестьяне могут вместо денег ручательство представлять. Каждый мужик за тебя в праве на 15 рублей поручиться. А найдешь ты, говорит, напр., 100 поручителей, они за тебя на полторы тысячи отвечают. А с этим ручательством ты можешь целую делянку купить, а потом лесной фирме перепродать, ежели сам заготавливать не захочешь. А ежели, говорит, делянка хорошая и около сплавной реки находится, то тебе сотни рублей отступного дадут. Только, говорит, на торгах побольше наддачи дай, чтобы делянка за тобой осталась“.—Ну, я, конечно, обрадовался, сделал, как лесничий велел. Сейчас поручителей нашел. Кто по знакомству, кто по дружбе, кто ради стаканчика водки—живо ручательство подписали. Я даже многих неграмотных и мертвецов записал. Волостное правление удостоверило. Потом я на торги объявление подал и хорошую делянку купил. А делянку эту одна фирма для себя облюбовала, тоже торговалась на нее, только мало наддачи дала, я больше дал, ну за мной и осталась... Я, конечно, не стал сам лес заготавливать. Тогда я умнее был... Я прямо этой фирме предложил, пятьсот рублей отступного запросил. Ну, и получил

пятьсот рублей!—потер руки Лёкмортов.—Только за то и получил, что объявление на торги подал да дважды в канцелярию лесничего съездил! Вот и все!

— Это, значит, вас казна наградила, да?—проговорил я, пораженный таким оборотом дела.—А вы еще жалуетесь на лесное ведомство.

— Это три года тому назад было,—возразил Фома.—Тогда все хорошо обходилось. На другой год я тоже две делянки заторговал. Опять дело выгорело. Девятьсот рублей в карман положил. Только с прошлой осени незадача пошла. Чорт бы меня побрал совсем! Захотелось, вишь, сразу разбогатеть... Надумал я сам, на свои средства, сортовой лес заготавливать. Закупил я целых три делянки. Одну за шестьсот рублей продал, на другого покупателя не нашлось—ее оставил пока, в третьей сам начал работать. Хорошо. Дело, конечно, мне привычное, в рабочих недостатках не было, заготовка у меня просто кипела... Ну, просадил я тут много денег, жалко мне стало эдакой траты. Начал с рабочих новые вычеты делать, на припасы удвоил. А они, шельмы, бунт подняли, под самую весну с работы сбежали.. Ах вы, зимогоры проклятые! Надо плоты плотить, к сплаву готовиться, а у меня рабочих нет. Пришлось новых подыскивать... Долго я возился с этой делянкой, дьявол ее понеси!—выругался Фома.—Из банка даже сбережения свои тронул на расходы... Еле плоты сплотил. Обратился я к лесничему за сплавным билетом, а он вдруг и объявляет мне: У тебя-де неисправности замечены лесным кондуктором, который свидетельство производил. А пока-де дело не выяснится, лес должен на месте оставаться... Как так? Что такое? Я к кондуктору бросился, начал его уговаривать. А он барина из себя корчит, говорит, что служба ему не позволяет и все прочее такое... Я ему угощение предложил—не пьет. Пятью красненькими поминал—не берет, честностью своей превозносится. А, наверное, если бы сотенную бумажку ему сунуть, живо бы лесничему отписал, что у Фомы

Лёкмортва все благополучно обстоят!.. Ну, плюнул я и поехал к лесничему. Тот тоже куражится... Я опять плюнул и послал телеграмму в губернское управление государственных имуществ. Оттуда такой же ответ... Э, думаю себе, давай-ка я к министру в Петербург поеду. Там и пропишут микстуру... Вот и покати в столицу. А в Петербурге в то время памятник открывали—не то царю какому-то, не то генералу, право, припомнить не могу. Сам государь на открытии был. Я его так же видел, как вот теперь вас перед собой вижу. Народу было великое множество... Ну, поглядел я на открытие, потом к одному нашему северному депутату затесался, а он меня в Думу увел: „Посмотри, дескать, как мы законы сочиняем“. Я, конечно, посмотрел и на Думу, только, кроме шума и свисту, ничего не увидел... На другой день пошел я в министерство, но министра мне так и не показали. Занят-де, некогда ему! Принял мою жалобу какой-то чиновник, поморщился, зевнул и сказал: „Ладно, говорит, справки наведем“... Вот и все. Нужно им с бедным крестьянином возиться!

— Как же ваши плоты?—спросил я Фому, чуть не рассмеявшись при его уподоблении себя „бедному крестьянину“, на которого он менее всего был похож.

— Ничего. Все-таки разрешили сплавить. Ну, конечно убыток я получил, вместо прибыли... пострадал от придирок лесного ведомства. Но главное дело в том, что большой штраф на меня наложили. А штраф этот придется поручителям платить, вот что. Понимаете?

Он лукаво прищурил глаза и засмеялся злым, нехорошим смехом, повторяя:

— Пусть платят! Сами добровольно подписывались! А кого неграмотного или мертвого записали, так тут мое дело сторона: волостное правление ручательство свидетельствовало! Ничего! Вперед наука! Пусть платят!..

— Но могут и с вас взыскать,—заметил я, пораженный таким без-

душием этого брюхана, как будто радующегося предстоящему взысканию штафа со своих поручителей.

— Я того же опасаясь,—согласился Фома.—Может, мол с описью придут скоро... Слухи такие были... Что-ж, пусть приезжают. Я припрячу, что поценнее, а разную негодную дрянь пусть описывают. Не жалко... Я не пропаду... У меня на имя жены в банке положено тысяча триста рублей. А, может, и больше найдется...

Я поблагодарил его за угощение. Он тоже прекратил чаепитие и начал рыться в ящике комода, ища казенную бумагу, которую хотел показать мне.

Я подошел к раскрытому окну, откуда веяло ласковым теплым ветерком, резво пробежавшим по комнате. Пахло свежей краской от косяков и сухим деревом, сильно нагретвшимся на солнце. Воздух был полон мягкого, убаюкивающего шелеста высокой колосистой ржи, волнуемой у стен дома, примыкающего одной стороной к громадному общественному полю, начинающемуся прямо за задворками. Природа, казалось, дышала миром и покоем, чувствующемся в нежной полудремотной истоме погожего летнего дня, сияющего во всем своем великолепии. Я невольно вздохнул при мысли о „дошлом зырянине“, живущем на лоне природы и не обращающем на эту природу ни малейшего внимания, потому что жажда легкой наживы поглощала его целиком, заглушив все остальные человеческие чувства...

— Чорт возьми!—раздался от комода голос Фомы.—Никак едет кто... Слышите, колокольчики звенят?

Он подошел к окну и высунул голову на улицу. На лице его выразилось беспокойство.

В отдалении послышался звон нескольких колокольчиков, становившихся все ближе и слышнее.

Ждать нам пришлось недолго. Скоро две пары лошадей с оглушительным шумом и грохотом подкатили к крыльцу дома Лёкмортва.

— Э, да это становой приехал,— пробормотал Фома.— А на задней подводе два стражника...

Я видел из окна, как становой пристав, сравнительно молодой еще человек, с чисто полицейской резкостью выскочил из тарантаса и, обращаясь к одному стражнику, сказал:

— Беги скорей за старшиной, да передай ему, чтобы он двух понятых прихватил. Скажи, что опись будем делать у Лёкмортובה...

— Я оглянулся на Фому. Мне интересно было узнать, какое впечатление произведут на него такие слова пристава. Я, все-таки, думал, что он растеряется хотя бы на первое мгновение, но результат получился совершенно обратного свойства.

Фома быстрым движением руки запер дверь, ведущую в станционную комнату, потом кликнул жену и начал срывать со стен зеркала, имею-

щие, повидимому, порядочную ценность, судя по размерам и золоченым рамам...

Я не успел опомниться, как все лишнее и ценное было вынесено из комнаты. Исчезли зеркала, граммофон, пластинки к нему, даже некоторые столы и стулья. Промелькнули два самовара, утащенные самим Лёкмортובה. Жена его, конфузливо взглянув на меня, повлекла большую швейную машину, красовавшуюся на одном из столиков...

Через полчаса—не более—я уже ехал дальше, отправленный предусмотрительным хозяином, боявшимся, вероятно моей встречи с приезжим полицейским чиновником, которому я мог рассказать о повальном бегстве из дома злополучного лесопромышленника всех ценных предметов...

Так кончилось мое случайное знакомство с Фомой Лёкмортובה.

СЫН ОРДЫН

(Челядьлы лыддьом выло)

И. ВАВИЛИН

Миян вольной муын,
Ыджыд визув юын
Оло уна чери,
Накод тшотш и сын.
Дыр нин, кызди синсё,
Видзис чужанинсё
Черияслон котыр,
Эз жалитлы вын.
Некодлы эз сетчы;
Родной юас сэтчө
Черияслон котыр
Корсис шуда нэм.
Дзоньнас вежсис олом,
Быри тшыгысь полóm.
Черияслон öнi
Быд бурторйис эм.
Сынлон ыджыд керка,
Чиститöма пелька.
Гöбөр сöстóm, долыд—
Эскан көть тэ, он.
Мича плакат стенас.
Вежыд петас тэнад.
Жырса пызан вылын
Сыло патефон.
Сынлон кокыс йöктö;
Пöрысьлун оз сьöктöд,
Сылы, кызди томлы,
Гажöдчыны рад!
Талуи сийö гортас
Корис уна ёртöс
Вöчны гажа вечер—
Ыджыд маскарад.
Вешйис луион вуджör,
Кадыс рытö вуджис.
Гажа вечер выло
Вонс уна гöсьт.
Олом-вылом йылысь
Висьтасьом сэн кылс,
Юргис долыд серам,
Пансис сёрни пöсь:

—Дона, муса пиян!
Мыйнö выльыс тиян?
Меным пöрысь сынлы
Тöдны колö дзик.
— Код нö оз тöд, кодi?—
Шыасис сэк ёдi,—
Кызди дзоридзалö
Миян выльмом сикт.
Ваын öнi личыд,
Оломнымлом мичыс
Некор дзик оз кельдöд,
Некор дзик оз сiм.
Öнi быдөн кужö
Аслас честной уджын
Шедöдны геройство,
Слава да бур ним“.
— Чайта, некод менö
Паныд онö венö,—
Нюмъялигтыр шуö
Эбöса, збой ком.
— Ошйыся ме пийö,
Инженерөн сийö
Во мöд бöрын лоас,
Мед көть сийö-й том.
Öти юсянь мöдö
Стрöбитас—тi тöдö—
Му пытшкöстi муан
Кузь да паськыд пос.
Сэки, муса вокъяс,
Оз көтасьны кокъяс
Ваысь ваö вуджны,
Майбыр, лоö кос!
— Ничево, ми олам.
Стрöбитiм выль школа!
Велöдчöны сэнi
Менам пи да ныв.
Шойчöны пыр бура:
Пи ордын—бандура,
Нывлон вöсни гöлöс
Лэштö сылаяны а—

Висьталіс тадз кельчи
 Мукодысь эз кольччы...
 Вежис сійдс сьомга,
 Лэптіс ассьыс ки:
 — Ог ми ёні бёрдѳ.
 Енэж вылын бордѳн
 Лэбалѳ со ёні
 Менам ыджыд пи.
 Шуд жѳ, зонмѳ, усьѳ?!
 Пилотѳн ѳд шусьѳ—
 Ыджыд пий менам,
 Лэбавны зэв лют!
 Дас морейсь ылѳ,
 Кымѳръяссь вылѳ
 Качѳдчѳ да лэбзьѳ—
 Нинѳм дзик оз кут!...
 Но вай сэсся йѳктѳй!
 Олѳмыс тадз тшѳктѳ.
 Да и таысь дырсѳ
 Оз нин терпит кад.
 Некод оз ло паныд,
 Медым пыр жѳ панцы
 Черияслысь вечер—
 Гажа маскарад...
 Маскаасьѳм ёкыш—
 Вомдорсѳ кѳть окышт—
 Сэтшѳм сійѳ сѳстѳм,
 Лѳсьыд, мича, шань.
 Йѳктѳ сійѳ тшапа,
 Юрас идзас шляпа,
 Усьяс сылѳн кузьѳсь,
 Быттьѳ шепта нянь.
 Сылан-ворсан кытшѳ
 Петіс чорыд кыша—
 Кыдзи вѳрса вотчысь—
 Пестера гѳрд рак.
 Быттьѳ арся лунѳ,
 Парма вѳрѳ мунѳ,
 Кѳсйѳ сэтись вотны
 Пув ли свежѳй тшак.
 Гажѳдчѳны быдсѳн:
 Он тѳд налысь лыдсѳ!
 Вѳчасѳн пыр содѳ
 Йѳктысьяслѳн ряд.
 Озыр пызан дорѳ
 Сын быдѳнѳс корѳ.
 Черияслы шуѳ:
 — Воис ужин кад!—

Черияслѳн айыс
 Сѳян-юан вайис.
 Пѳрысь дзормѳм сынлѳн
 Пѳтѳс вѳлі бал.
 Кылѳ буртор сйѳм.
 Быдѳн лэптіс киѳ,
 Пызан вылысь босьтіс
 Праздничнѳй бокал.
 —Тіян вѳсна юа,
 Тіянлы ме шуа
 Бур заветнѳй кывъяс,—
 Лэптіс кисѳ сын.—
 Дерт, ми абу тунъяс,
 Но аския луныс
 Миян дружнѳй рядѳ
 Сетас содтѳд вын.
 Вѳвлі слѳм омѳль,
 Сѳйлім уль нянь комѳль.
 Нартитчывліс важѳн—
 Щѳтя морскѳй йѳрш.
 Мырсьывлім пыр уджын,
 Эгѳ тѳдлѳй ужин.
 Удждон пыдди босьтлім
 Донтѳм, ичѳт грѳш.
 Водзѳ, водзѳ сынѳй,
 Нѳшта ыджыд вынѳн.
 Ас костаныд некор
 Энѳ панѳй спор.
 Воасны кѳ зверьяс—
 Лэчыдѳсь мед черьяс!
 Врагьяслы ті сетѳй
 Ѳтувья отпор.
 Дзик ѳд матын—орчча
 Миян вылѳ ёрччѳ
 Горш, морскѳй акула
 Лэчтѳ пинь да гыж.
 Лоны колѳ сюсьѳн:
 Вермас ёні, гусьѳн
 Миян вылѳ воны
 Акулалѳн пыж.
 Кѳть ми тышын кулам,
 Оз вермы акула
 Черияслысь босьтны
 Рѳднѳй чужан му.
 Кывзѳй, дѳна пиян,
 Юным вѳлі миян—
 Водзѳ лѳб миян
 Тайѳ шуда ю!

АТАКА

(Челядьлы лыддьом былö)

ИВАН ВАСЬ

Митя—челядьлөн вожак.
Митя кийн алöй флаг,
Кодён öвтчö нöрыс вылын,
Челядь чукöртчасны мед.
Уна висьталöм оз ков
Челядьяслы; налөн лов
Котöртöмла ныръяс йылын—
Тайкö ортсö нин оз пет.

Миша сьöрсьыс кыскис дадь,
Лызьöн йöткасис Аркадь,
Яшöс вайис „пара вöла“—
Выльöн ньöбöм коньки гоз.
Кыптис нöрыс вылын шум,
Гажа серам, кыпыд нюм.
Повзис челядьысь, и чöла
Вөрö пышйис дед мороз.

Митя—челядьлөн вожак,
Сийö бара лэптис флаг,
Сувтис Мишалы дадь бөрö.
Сэсянь гөлöс кылис збой:
—Кывзöй, ёртъяс, ставныд тi,
Лымйысь мортöс вöчам ми
Нöрыс улö, Жуöd йөрö,
Сэсса восьтам сылы бой.

Уна гөлöс кылис ёсь:
—Кось кö лоö—мед и косы!
Огö олö кöч кодь вöйөн,
Танi некод абу няр!
—Дерт жö,—кылис Яклөн кыв,—
Муна тiянкöд öтвыв.
Менö оз повзёд и кöин,
Меным тыри сизим ар!

Сёрни эштис, сэсса пыр
Челядь исковтисны кыр.
Лымйысь лепитисны мортöс,
Киас сетисны „кинжал“.

Миша шуис:—Ныр и сия,—
Ставсьыс тöдчö белöй чин!
Митя содтис:—Вывтi гордöй,
Тайö—белöй генерал!

Челядь кайисны бөр чой.
Наын сьöлöм пуис збой.
Митя лöнны найöс корис,
Сетис Мишалы приказ:
—Мун разведкаö, но, чур,
Враглы лапаас эн сюр.
Сюран—он во миян дорö,—
Врагыд ловйөн оз видз час.

Гöра вывсянь, кыдзи ньöв,
Миша лэбис. Быдён чöв
Кутис дасьтыны öружье,
Враглы паныд мунны мед:
Пищаль пыдди—кузьджык радз,
Бомба пыдди—лымйысь мач,
Пушка пыдди—ыджыд вужъя—
Залпён пырысь-пыр кöть сет.

Здук-мöд прöйдитис, и вот
Кутис чукöртчыны „взвод“.
Командирлы шуис Якö,
Киас „ружье“ кутигтыр:
—Ставыс лои миян дась,
Öнi жö кöть вöрзям тась
Вöчны „враг“ вылö атака,
Чужан муö оз мед пыр.

Митя—„краснöй командир“—
Дыр нин дзоргис „бинокль“ пыр,
Кытчö мунис збой разведчик,
Сэсса стройлы шуис тадз:
—Эм разведчиксянь сигнал.
Локтö „белöй генерал“.
Пыр жö ставён мöдам сэтчö,—
Миян оз позь вöрны надз!

Гөнеч мөдiс мян строй,
 Медым врагкөд панвы бой.
 Нöрыс пöлөн сöмын кайö
 „Войска“ бöрын тшын да бус.
 Со нин взводным мян сэн,
 Со нин мунö врагкөд вен.
 Мян кытшалöны найöс,
 „Белöй“ повзöма, кызд трус.

Юргö сынöдын „Ура!“
 Таргö лыйсьöм: —тра-ра-ра!
 —Водзö, водзö, повтöм ёртъяс!—
 Горзö „краснöй командир“,
 Ачыс прöйдитiс нин лог,
 Вывлань кыпöдiс клинок,
 „Генералöс“ сэсся ордийс,
 Сöтiс сылысь сыйлiдзир.

Лөнiс ставыс: горзöм, свист.
 Сöмын öтнaс том горнист
 Тыр победа йылысь сэнi
 Горнөн тутсiс—тру-ру-ру!
 Митя—челядьлөн вожак,
 Митя лэптiс алöй флаг:
 —Тадзи быдөнöс ми венам,
 Кодi кöсйö Совет му!

РЫТЛАНЬ

(Челядьлы лыддьöм вылö)

М. ОТЕВ

Тöвся ывла
 Ёна кöдзид.
 Керка трубаясысь тшын
 Пуркйö петö. Войтöв нуö
 Паськыд муяс вылысь лым.

Дзуртигтырйи
 Турун-пескөн
 Кысьсьö вöла бöрся вöв
 Сиктö. Челядь вадор кырйын
 Гажа ислалöны зэв.

Кодi дaддя,
 Кодi лыжа...
 Первой öти, сэсся мöд
 Ылöдз исковтасны, чожа
 Бара кырйö кайны мед.

ПОЛИТРУКЛӨН ОТСАСЫСЬ

М. ШЕСТАКОВ

(Челядьлы лыддьом вылө)

Рөмдандор керка пытшкын омөлянин тыдаліс. Колялы гажтөм вөлі пукавны да видзөдны лабичын шуй моз куйлысь морт вылө. Ошинь вылө лэччысьөмөн сійө пыр зілис ылөдны ассыс синъяссө ывлаб, но найо мырдысь зырсины висысь вылө, кодлөн сьөкыда лолалөмсыс кыпталіс морөсыс.

Коля вөлі оз төд, мый нимыс висысьлөн, но төдіс, мый сійө красноармеец да ранитчөма асыводзса бой дырйи, кор боецъяс уськөдчисны сикт вылө да кыптыліс чорыда лыйсьөм. Краснояяс єна водзасисны, но эз тырмы вынныс да лои бөрынтычны. А тайө мортсє ранитчөмла эз вермы пышйыны. Сійө пырис Коляяс карта вылө да гуасис ядзас пытшкө. Кор ранаыс заводитіс єна висыны, сылөн бырис садъяс да кутіс ойзыны. Сэки и кыліс сійөс Колялөн мамыс. И найө Колякөд, сойбордөдыс сійөс кутөмөн, кыскисны керкаб. Колялөн пельясас өні на быттө кыліс сылөн ымзгсор горзөмыс:

— О-о! Эн сетчөй! Ёртъяс! Метан, ме тан! Да... Лыйлөй, лыйлөй!

А өні со куйлө сійө да шысө оз сетлы, оз вөрзөдчыв. Чужөмыс быгалөма—кельыд, кельыд.

Идрасянінысь пырис Колялөн мамыс да, сивдоръяссө чышкышталіг, локтіс лабич дорб, жугыля пондіс видзөдны куйлысь вылө. Сійө өні думайтіс мужик йивсыс, коді муніс доброволөцөн Красной Армияб да, вермас лоны, тадзжө ранитчөма да куйлө кодкө ордын. Сылы вывті

жаль вөлі тайө красной боецсө. Ывляысь пыртөм бөрын сійө мыськаліс сылысь ранасө, сэсся көрталіс сөстөм рузумөн.

— Эз на шыасылы?—юаліс Колялысь сійө.

— Эз на,—жугыля вочавидзис Коля да локтіс мамыс дінө.

Висысь вөрзөдчыштіс, сьөкыда бергөдіс юрсө да ружыштіс. Сэсся синсө восьтытөг шыасис:

— О-о... Горшөй сотчө...

— Коньбөрй,—шуыштіс Парасковья (сідз вөлі Коля мамлөн нимыс) да кокчуньяс йылын тувчалөмөн, быттө поліс кокшынас висысьөс дөзмөдөмысь, ветліс кывтө вала. Висысьылысь юрсө кыпөдыштөмөн вайис көшсө вом дорас. Сійө восьтыштіс вомсө да горша нылаліс көдзыд ва, а сэсся бөр лэдзис юрсө пөдушка вылө да пондіс сургыны.

Эня-пия дыр на сулалісны сы водзын да чөвланьтөмөн видзөдісны. Колялөн мамыс вөлі том на, чужөмас чукур рөд абу, сөмын тай мужикыс вөсна шөгсьөмла синъясыс вөйыштөмабсь да чужөмыс рудовмыштөма. Коля жө вөлі вөсныдык гум кодъ на, єсь чужөма, ичөтик ныра, сюсь синъяса, русыд детина. Сылы вөлі сөмын на 13 арөс, но зэв авъя, быдтор гөгөрвоө. Тайө мортсө кө эськө вермис сійө бурдөдны, тайө жө здук вылас бурдөдіс. Вот эськө, мойдын моз кө, визлач ваин пыйыштөмысь бурдасны ранаясыс, пыр жө и пызъяс, но өд сідзсө удайтчывлө сөмын мойдын, а збыльвылад сідзтө оз овлы.

Коля, мамыс бердö вешйыштöмөн, гусьöник юалис:

— Мам, ме ветла тöдмавы, мый вöчсö сиктас...

— Кытчö нö мунан? Пемыднад лыясны ещö.

— Оз. Ме ог сюрöдчы. А тöдмавысö колö, оз-ö шобсявны...

Парасковья повзыштис пиыс кыв-йысь. Öд шобсясны кö да сюрас тайö красноармеецыс, сэки ни сийöс, ни Колясö оз кольны ловйöн. Здук мында чöволöм бöрын сийö надзöник шуис:

— Ветлы, но виччысьöмөнджык. Да, кылан, эн дыр кезлö мун, а то...

Кöсийс ещö мыйкö шуны да эз удит. Висысь выльысь ружöбтис да кутис ымзыны.

*
* *

Асывнас Туркин садьмис ёна водз, кор Парасковья да Коля узыны на вöли, а керка пытшкөсысь муртса на позис аддзыны гырысь торъяс. Сийö восьтис синъяссö: керка пытшкөсыс дзик тöдтöм, а ачыс куйлö вольпась вылын, шебраса. Вылын кыз матича да керъя пöтöлök, юр водзас ичöтик öшинь, кыти пырö асья лöз югыд. Кöни сийö?

„Кöни ме“?—мöвпыштис Туркин.— „Сюри кö пленö, эз эськö водтöдны небыд вольпась вылö, а водтöдисны кö, то динын должен сулавны видзысь“. Кор сийö кöсийс чеччыны, вöрзöдис кисö, медым пыксыны, шуйга лопатка улас быттьö пуртöн сутшкыштисны. Сийö ыджыда лолыштис да мурöстис:

— М-м-м!..

Парасковья öдйö вештыштис эшкынсö, чеччис да локтис Туркин динö, копытчыштöмөн юалис:

— Сёйыштны колö?

— Оз... Оз ков сёйны...

— Мыйнö эськö?

— Кöни нö ме?—воча юалис Туркин.

— Тэ, донай, Буткан сиктын. Тэ öд ранитчöмьд.

— А дыр нин ме куйла?

— Тöрытсаян. Лыйсöмыс дугдöм бöрын ме петі ывлаö да кыла кодкö ружтö карта вылын, идзас пытшкын. Ме öдйöджык бөр керкаö пыри.

Висьталі Колялы да ськөд петім. Тэ вöлин дзик садьтöм. Ми öдва пыртім керкаö.

Водзö висьтавыны Туркинлы нинöм эз ков. Ставыс тöдвылас уси: кызди сийö зилис водзсасыны белöйяслы паныд, командуйтис, кызди ранитчис да уси потшöс бокö, а сэсся кыссьöмөн локтис керка дорö да пырис карта вылö, кызди дзебис нагансö да поле-вöй сумкасö идзас улö да ачыс гуасис мöдлаö. Сöмын оз помнит керкаö пыртöмсö.

Сийö ськыда лолыштис да юалис:

— Коді нö Коляыс? Мужикыд?

— Абу. Пидй. Менам öд мужикöй тиян моз жö кöнкö тышкасьö белöй-яскöд. Письмö ни нинöм оз воы. Гашкö абу и ловъя.

— А-а...—нюжöдис Туркин. Сэсся чöвоыштис да юалис:

— Кызди тэнö шуöны?

— Парасковья. А батыс шулисны Семöдн,—висьталіс Парасковья.

— А-а... Висьтав, Парасковья Семеновна, белöйясыс эмöсь тиян сиктын?

— Эмöсь,—вочавидзис Парасковья. —Краснöйясыдлы бöрынтьчыны лои тöрытнад.

— А менö тöдö оз кодкö татысь?

— Некод оз тöд ме кындзи да менам пидй кындзи.

— Оз ков некодлы висьтавыны, Парасковья Семеновна. Ме öд регыд муна тась...

— Ог висьталö, эн пов. А мунöм йывсьыс эн и сёрнит; кор бурдан, сэки и мунан.

Туркин корис юны. Парасковья вайис стöкан йöв да вöснөыдик шöрöм нявь. Туркин юыштис и сёйыштис...

Куим сутки сийö эз чеччыв, а нёльöд луннас чеччис да ас кокнас петалис ывлаö. Мунöм йылысь оз на позь вöли думышты: сылөн сутшкис лопатка улас.

Коля лун кезлö куимысьöдз ветлывліс сиктö да быд ветліг вайлывліс выльысь-выль юбръяс. Нёльöд луннас сийö котöрөн воис да висьталіс:

— Иван дядь тшöктис висьтавыны, мый белöйяс талун аски лöсьöдчöны водзö наступайтны.

Туркин недыр мöвпалыштис, сэсся шыасис Коля дорö:

— Тэ вöчан öтитор меным?

— Висьтав...

— Колѡ юѡртны краснѡй отрядлы сы йылысь, мый тѧ висьталін.

Час мысти Коля вѡлі дасъ нин ту-йѡ петны. Пызан дорын, сьѡкыда на лолаліг, пукаліс Туркин да гижис записка. „Юров ѡрт, колѡ восьтыны контрнаступление. Подробности висьталас тайѡ детинкаыс. Туркин“.

— На да мед оз жѡ кутны муні-гад, виччысь.

— Лѡсьыда ветлы, Коля,—содтіс мамыс.—Ляпѡд весътас воан да пыжыс кѡ абу—горзы.

— Ме тѡда кыт колѡ вуджны. Вуджа ме Сюзь кѡдж юрѡд. Сѧтѡн васыс ляпкыд.

— Эн бара вѡй,—шуис мамыс да жугыльчыштіс.

— Ог жѡ вѡй, ме ѡд абу нин ичѡт. И, гач зептѡ писъмѡсѡ суюѡмѡн, Коля мѡдѡдчис.

* * *

Коля уйыштіс бадъ кустѡ да сапкысыс кымынь. Мый вермѡмсыс чу-жѡмсѡ уль му бердѡ ляскѡмѡн сійѡ зіліс лолавны кыдз позьѡ надзѡн-джык, но тырѡм ловсѡ вѡлі зѧв сьѡ-кыд кутны. Тѡв вѡрѡдіс вѡснидик нѡбръяс, кышкис коръяснас. Колялы кажитчис, мый шыалѡ сійѡ ачыс, а оз кустыс. Регыд мысти сылы кутісны кывны кокшыяс. Сійѡ кыпѡдыштіс юрсѡ, но некодѡс эз аддзы.

Друг кодъяскѡ вуджисны куст пыр да сувтісны Колялы паныд, шаг дас вит сайѡ. Ѳні сійѡ лѡсьыда аддзис, кутшѡм йѡз тайѡяс.

— Найѡ оз тѡдны, мый ме тані. Тѡдісны кѡ эськѡ, важѡн локтісны да тшапкисны. Колѡ куйлыны лѡня, лѡня...—думайтіс Коля.

Белогвардеецъяс сѣрнитісны воча сувталѡмѡн. Ѳти—погонъяс. Сійѡ юасис:

— Татчѡ воши?

— Но да. Эсйѡ кустас пырис, а кытчѡ петіс, эг аддзылѡ.

— А петіс?

— Петіс дерт. Тѡдѡмысь, водзѡ котѡртіс.

— Том морт?

— Детинка на. Сюсь, тыдалѡ,—бытьѡ сыліс.

— Колѡ корсьны!—стрѡга тшѡктіс погонаыс.—Став кустъяссѡ видлавны!

Колялѡн сьѡлѡмыс изкодѡдз чор-зыліс. Кутасны кѡ таланъ локны, запискасѡ нылыштас.

Но сылѡн полѡмыс весь лѡи. Сійѡ видзѡдіс, кыдзи найѡ чукѡрнаныс мунісны ыджыд куст дорѡ, пырисны куст пытшкас да саялісны. Коля надзѡник пондіс кыссьыны мѡдарѡ. Недыр мысти петіс куст пытшкысь да гѡрбыльтчѡмѡн котѡртіс кустъяс пѡлѡнѡд водзѡ.

„Ещѡ кык кѡдж коли мунны, сѧсся позьѡ вуджны, а вуджа кѡ—то босьтѡ“,—пыркнитіс юрсѡ Коля, бытьѡ сы водзын сулалісны корсьсыяс. Кыкысь кымын видзѡдліс на бѡрвылас, но некодѡс эз аддзы.

Сійѡ кѡджъяссыс, кодъяс йылысь мѡвпаліс Коля, эз вѡвны зѧв дженъыдѡсь. Ѳтиыс куим верст сайѡ да мѡдыс кыкысь кузь жѡ. А на сайын сѧсся Ляпѡд сикт.

Тѡв кутіс ыджыны минутысь минутѡ да кор Коля воис вуджанінѡ, ва вылын швичкисны веж гыяс. Енѧжын кыпѡдчис пачкымѡс кодъ сьѡд кымѡр, пондіс пемдѡвны, бытьѡ рыт нин локтіс.

Ыджыд бадъ копыртчѡма ю весь-тѡдз да кузь увъяснас судзѡдчѡ ва вывса гырысь гыясѡ. Тайѡ баддъыс дорѡ и сувтіс Коля. Сійѡ пѡрччис кѡмкотсѡ да гачсѡ. Гыя ва вылас видзѡдігас сылы лѡи шуштѡмкодъ, мышку кузяыс кѡдзыд йирмѡг визѡбтіс.

Сѧсся гѡгѡрбок бура видзѡдлѡм мысти сійѡ пуктіс гачсѡ да кѡмкотсѡ сылі вылас вѡжѡдѡмѡн да пырис ваѡ. Ваыс вѡлі кѡдзыд нин. Кокъяссѡ вылѡдз лѧпталігтыр Коля заводитіс вуджны.

Друг кок увсыс вошис муыс и сійѡ дзумгысис юрвывтис да кутіс кылавны. Ловсѡ пыкѡмѡн кыпѡдчис ва веркѡсѡ да пондіс варччыны. Кѡтасьѡм кѡлуйыс личкѡ, голя вылѡ вѡжѡдѡм гачыс крукавлѡ кыяссѡ, мешайтѡ варччыны, а берегыс век на ылын. Ещѡ кѡ неуна кылалыштас, и визулыс кутас вуджѡдны мѡдар берегас. „Колѡ ѡдйѡджык вѡдчыны“,—мѡвпыштіс Коля да медбѡръя вынсыс ѡддзѡдчис.

Сійѡ муртса воис берег дорѡ, а ещѡ кѡ ковмис варччыны, эз вермы, сѧтшѡма мудзис.

Берег дорѡ воѡм бѡрын Коля бура дыр жуйвидзис, сѣсся шойччыштѡм бѡрын петіс ваысь, кайис кыр йылѡ да пуксис, заводитіс пыдзравны ва паськѡмсѡ. Тірзигтыр кѡмаліс гачсѡ да кѡмкотсѡ и мѡдѡдчис котѡрѡн, медым шонавны.

Бѡр ді пытшынь, коді вѡлі туй-сянь шаг комын сайын, друг быр-скѡбтісны кык верзьѡма да веськыда локтісны Коля вылѡ. Сійѡ надзмѡдіс.

„Бара сюри. Эх-ма, ѡні и прамѡя сюри“, мѡвпыштіс сійѡ, чайтѡмѡн, мый тайѡ белѡйяс.

Вѡлаяс сувтісны. Коля сюся видѡдліс верзьѡмаяс вылѡ. „Краснѡй-яс“,—мѡвпыштіс сійѡ картузьяссы-ныс звездаяс аддѡм бѡрын.

— Кытѡ котѡртан?—друг юаліс ѡтиыс, кодлѡн вѡлыс вѡлі тшѡтшѡдѡм бурыся, сьѡд карѡй гѡна да вѡс-ныдык кокъяс.

— Ляпѡдѡ,—сы вылѡ видѡдїгтыр шуис Коля.

— Кысянь?

— Вадорсянь,—вочавидзис Коля.

— Мыйла нѡ ва паськѡмьд?

— Ваѡ вѡйлі,—вочавидзис Коля.

Красноармеец видѡдліс мѡд ѣртыс вылѡ. Мѡдыс нѡмйвштігмоз довк-нитіс юрнас.

— А ті краснѡйяс?—немвиччсы-тѡг юаліс Коля да ачыс быдѡн пов-зис.

— А тѣд код колѡ?—воча юаліс красноармеец, и Коля джѡмдіс, воши тѡлк вывсьыс, эз тѡд мый вочавидз-ны. Воддзджык красноармеец казя-ліс шѡйѡвошѡмсѡ да висьталіс:

— Краснѡйяс! А тѣд мый?

— Ме локта краснѡйяс дорѡ, Бут-кан сиктсянь. Меным колѡ тїян ко-мандирныд. Кѡні сійѡ?

— Мый кѡ ваян?

— Ог,—вочавидзис Коля, век на виччысьѡмѡн, медым не выдайтны Туркинѡс.

— Вот и на. Нинѡм он вай, а колѡ. Мыйла нѡ сідз? А ме кѡ командир-ыс?

— Вай эн шутит, Габов,—ѡлѡдіс мѡдыс ѣртсѡ да содтіс:—Раз колѡ, колѡ нуны. Гашкѡ кутшѡм колана юѡр вайѡ.

Коляѡс сійѡ пуксьѡдіс ас водз вы-лас да морѡс бердас топѡдѡмѡн мѡ-дѡдчис рѡдтыны Ляпѡд сиктлань. Му-дѡм бѡрти Коляѡс быттьѡ зыбкаѡ пуксьѡдісны да люлькїѡдлісны, кызди ичѡтик дитяѡс.

* * *

Ичѡтик пызан дорын пукалісны куим военнѡй да видлалісны карта.

— Ѳшыбайтчан, Юров ѣрт, ѡшы-байтчан,—шуаліс ичѡтик тушаа, гѡг-рѡс Дымов, тшѡтшыд уска, кузьмѡс чужѡма ыджыд мортлы.

— Ме шуа: колѡ наступайтны, а не обороняйтчыны! Колѡ паньд мун-ны да виччысьтѡгныс жугѡдны бан-дасѡ. Менам план татшѡм...

Друг таркнитісны ѡдзѡсѡ да Юр-ов орѡдіс сѣрнисѡ. Сійѡ бергѡдчис ѡдзѡслань да шыасис:

— Пырѡй!

— Командир ѣрт, детинкаѡс вайим. Локтѡ тїян дінѡ,—шыасис пырѡм крас-ноармеец, кисѡ под қозырѣк кутіг.

— Мед пырас!

Коля сувтіс порогулѡ. Сылѡн ва дѡрѡмыс да гачыс чукрасьѡма, не-кѡн шыльыдіныс абу. Сы вылѡ сюся видѡдлісны квайт син.

Ыджыд тушаа, тшѡтшыд уска морт локтіс сы дорѡ да кутіс пельпомѡ-дыс.

— Да, тѣнад паськѡмьд ва тайнѡ?

— Ва,—вочавидзис Коля и сылѡн горшдіныс гѡрддзассис, снѡъяссыс исковтісны снѡва войтъяс.

— Мый тѣкѡд? Мый лои? Да тѣ висьтав, эн бѡрд.

— Вѡйлі,—шуис ньѡжїѡник Ко-ля.—Менѡ ыстіс Туркин.

Ѳта-мѡд;выланьс видѡдлісны воен-нѡйяс. Найѡ тѡдісны, мый Туркин коли кытѡкѡ Буткан сиктѡ, кор отряд отступитіс.

— Сійѡ миянын, сійѡ ранитѡма,—водзѡ шуаліс Коля.—Ме вайи тїянлы юѡр.—Коля сюйліс кисѡ гач зептас да кыскис ньѡдздѡм бумага.

Ыджыд тушаа морт ѡдїѡ босьтіс Коля кыысь кѡтасьѡм записка да паськѡдіс. Ѳдїѡ лыддис да шуис:

— Да тѣ молодец.—Сійѡ матыст-чис да окыштїс Коляѡс.—Ѳртъяс, по-

литрук Туркин збыльвылѳ ловъя!—
Ура!—горѳдїс сїѳ. Сэсся ещѳ ви-
дзѳдлїс гижѳдтор вылѳ да лои серь-
ѳзнѳй.

— Ёртъяс, Туркин ёрт танї гижѳ,
мый миянлы колѳ наступайтны. Ме
сїдз жѳ вѳлї думайта.

Коля вылѳ видзѳдлѳм бѳрын сїѳ
шунс ѳдзѳс дорын сулалысь красно-
армеецлы.

— Васильев ёрт. Тайѳ детинкаыс
кынмѳма, тшыг. Вежѳ паськѳмсѳ, вер-
дѳ да шонтѳй.

Коля вѳлисти кутїс чувствуйтны,
мый сїѳ и кынмѳ и тшыг, и мудзѳма,
ѳдва кок йылас сулалѳ.

Пызан сайын пукалысь шырѳм юр-
сна кузь морт чеччис да локтїс Коля
дорѳ. Коляѳс пельпомъясѳдыс кутѳмѳн
сїѳ видзѳдлїс сылы синмас да шунс:

— Но, политруклѳн отсасъысь, му-
нам мекѳд. Кыз тѳнѳ шудны?

— Коляѳн.

— Коля?.. Зѳв мичаник ним. Му-
нам, вежам паськѳмтѳ да ѳбѳдайтыш-
там.

Коля видзѳдлїс Юров вылѳ да кѳс-
йїс мыйкѳ шуны, но Юров паныда-
лїс сїѳс.

— Муя ветлы да шонтысь, сы бѳ-
рын локтан ме дїѳ. Ми тѳкѳд сэки
сѳрнитам бурджыка,—тайѳ кывъяссѳ
сїѳ шуис мелїа, аслас радейтана
пиы моз, и тайѳ мелї кывъяссыыс
Колялы лои сѳтшѳм долыд сѳѳлѳм
вылас, мый вунїс и мудзыс, и кын-
мѳмыс. Сїѳ дасъ вѳлї вылысь ко-
тѳртны гортса сиктѳдзыс да висътав-
ны ранитѳм политруклы, мый сылысь
заданиесѳ лои пѳртѳма олѳмѳ.

САЛДАТ ДА ГЕНЕРАЛ

(МОЙДКЫВ)

Важбн олісны-вылісны гозъя. Налбн влі бітн пн. Коркб-некоркб и босьтисны сійбс салдатб. Служитіс сійб салдадын дас во, аддзыліс унапблбс сьбкыдлунсб, тшыг пыкбмсб да кымбмсб. Унаысь сійбс генеральяс нбйтлісны мыжысь и мыжтбг.

Вот сэсся дас воыд и коли дай салдатбс лэдзисны гортас. Воысалис салдат нянь коркаяс тыра ноп дай мбдбдчис. Мунб туй вывтн и мбвпалб аслыс: „Кытчб ме муна, мый кута вбчны? Гортын пон ни кань абу, весиг ай-мамбй нин абубсь. Бурджык лбб, пыра кб код ордбкб казакб“.

Видзбдб салдат да аддзб: туй кузя ббрсяныс локтб тройка-вбла, тшынсб-буссб лэптб, быттьб Илья пророк мунб кымбб вывтн. Салдат тэрыба пуксис туй шбрас да кутіс виччысьны тройка вблабс.

Тройка матыстчис салдат дорб. Кбзла вылын пукалысь кучер кутіс горзыны, мед сійб чеччас туй шбрсьыс. А ыджыд усьяса, паськыд да гбрд ныра, югыд кизьяса генерал кор казяліс, мый салдат оз и думайт чеччбм йылысь, тшбктіс кучерыслы сувтбдны вбвьяссб да вайбдны сійбс карета водзас. Тан сійб салдатбс кутіс видны медббръя кывьяснас, мыйла сійб, кутшбмкб руд салдат, лысьтис пуксыны генерал ветлан туй шбрб да сувтбдны сылысь вбвьяссб, а сэсся неуна бурмыштис да юалис салдатлысь: кутшбм полкын сійб служитіс да кытчб мунб?

Салдат аддзис—сы водзын сулалб генерал да по-салдатски вочавидзис сылы збоа, а сэсся шуис, мый сійб кужб вбчны сбмын ббитор—гусясьны; кбсйис сійб генераллысь гусясь-

ны, но коскас кочкис да эз вермы нинбм вбчны.

Генераллы зэв тешкодь кажитчис салдатлбн висьталбмыс да пуксьбдіс сійбс каретаас. Кор воисны генерал ордб, генерал салдатбс зэв бура вердіс, юкталіс да керка водзас водтбдіс узьны.

Асывнас генерал корб салдатбс ас дінас да висьталб сылы—сета пб тэд удж.

→ Менам,—шуб генерал,—конюшняын сулалб вбв, кодлбн доныс дас сюрс шайт. Сійбс игналбма даскык томан сайб да видзбны даскык часбвбй. Верманкб тайб вбвсб гуны—лэдза тэно овны аслам керка улыс судаб да сета сб шайт сьбм, он вермы—уджалан меным дзонь во дон босьттбг да пблучитан ветымын розга.

Салдат эськб гусясьнысб влі оз куж, но кор нин висьтасис генераллы гусясьысбн, быть лой сбгласитчыны генералкбд. Сійб здук кежлб чорыда мый йылыськб мбвпыштчыліс, сэсся шуис:

— Тшбктбмтор лоас вбчбма!

Войнас, кор генерал унмовсис, салдат сылысь гусяліс важ генеральскбй паськбмсб, босьтис ведра вина да муніс часбвбйяс-дінб.

— Но, кызди тіян томаньяс? Ставыс дзонь? Смотри, мед влі бура видзбма. Ме тіянлы, мед он кымббй, ведра вина коля,—генерал моз шуаліс салдат часбвбйяслы, сэсся вешйис бокб да кутіс видзбдны, мый кутасны вбчны часбвбйяс. А часбвбйяс дыр эз кбсйыны, регыдбн и ректисны вина ведратб да коддзбмысла кутісны гылавны. Салдат кор аддзис, мый часбвбйяс коддзисны,

локтіс на дінѡ да босьтїс найѡ зепъясысь ключьяссь, восьтїс даскыкнан томансѡ, петкѡдіс конюшнясыс генераллысь вѡвсѡ, сѣсся бѡр томлавліс ѡдзѡсьяссь, часѡвѡйяслы бѡр сюяліс зепъясас ключьяссь дай муніс.

Коркѡ часѡвѡйяс палялісны да бѡр сувталїсны асланыс местаясѡ. На пытшкысь некод эз и казявлы, мый лой войнас найѡ видзанторкѡд.

Асывнас чеччис генеральша да адзѡ—налысь вѡвсѡ кутшѡмкѡ дядѡ лѣчѡдѡ юктавны.

— Генерал! Генерал!—горзѡ сійѡ,—вѡвтѡ гусялѡмабсь, чеччы ѡдїѡджык.

— Но, но, менсьым вѡв нуны оз вермыны,—шебрас увсянь буркнитїс генерал, а кор чеччис, аддзис, мый збыльысь сылысь вѡвсѡ лѣчѡдѡны юктавны. Генерал пыр жѡ тшѡктїс корны ас дінас салдатѡс.

— Но,—шуис генерал, кор пырис салдат,—вѡчны нинѡм, кутан овны улыс судтаын, да босьт кѡсйылѡм сѣ шайтсѡ.—А аслыс генерал думыштїс: „Пыр жѡ ковмас талы сетны мѡд „удж“, мед косѡдны водзѡссѡ“.

— Вот мый, салдат,—гора шуис сійѡ,—ѡні тэныд ковмас вѡчны та-тшѡмтор: тѣ гусялан менсьым медбур гѡн вольпасьѡс, код вылын ме узяла гѡтыркѡд. Верман гусявны вольпась—лѣдза овны мѡд судтаѡ, сѣта витсѣ шайт сьѡм. Он вермы—уджалан меным вит во донбосьтѡг да мышкуад пѡлучитан сѣ розга.

Салдат думайтїс, думайтїс, дай кѡсйысис гусявны вольпасьѡ тайѡ жѡ войнас.

Войнас генерал гозъя водїсны узыны, а водзвылас топыда игнаиссны, мед салдатлы сѣтѡ некутшѡм ногѡн оз позь пырны.

Водїсны орчѡн узыны и кык ныв, кодъяс слугаалїсны генерал ордын. Войнас салдат кайис вылыс судтаас, корсис каньѡс, джагѡдіс сійѡс, кулис кучиксѡ да нывъяслы шѡракостас и пунктїс. Та бѡрын пачѡбрьсыс тасьтїѡ лѡдіс ульнян да мувіс генерал узян вежѡс дінѡ, сувтїс ѡдзѡс бердас. А генераллѡн вѡлі мода быд вой чеччывны да петавны мѡд вежѡсѡ асмогѡн. Чеччис сійѡ и тайѡ вой, восьтїс ѡдзѡссѡ да петїс. А сѣк костї салдат пырис генерал узяніѡ да

вольпась вылас кисьтїс ульнянѡтѡ да ачыс зѣв ѡдїѡ пырис крѡвать улас.

Кор генерал бѡр пырис узян вежѡсас, аддзис, мый гѡтырыс сылѡн пакѡсътїтѡма гѡн вольпась вылас. Сѣсся чуксалис гѡтырсѡ да кутїс сійѡс видны. Сїдзи и сїдз,—шуб,—олїм ветымын арѡдз, некор нинѡм эз вѡвлы, а тавой став вольпасьтѡ пакѡсътїтѡмьд. Гѡтырыс жѡ генераллѡн кутїс ыстысьны генерал вылѡ. Генерал та вылѡ скѡрмис да кутїс чуксавны нывъясѡс.

Генерал чуксасьѡм шыѡ нывъяс садьмисны да казялісны, мый шѡракостаныс „кага“ куйлѡ. Ѳтиыс шуб: „Тѣнад тайѡ кагаыс“, а мѡдыс ыстысѡ первойя вылас: „Абу,—шуб,—тайѡ тѣнад“. Сѣтшѡма найѡ кутїсны зыксьыны, весиг тышѡ воисны.

Генерал скѡрмис да ачыс петїс на дінѡ, а гѡтырыс сылѡн мыссьыны. Салдатлы тайѡ и вѡлі колѡ. Пырысьпыр жѡ сійѡ кватитїс генераллысь гѡн вольпасьѡ да давай пышйыны.

— Но и тайѡ салдат,—зѣв скѡрысь ѣрчыштїс генерал, кор нывъяскѡд пырис узян жыръяс да аддзис, мый крѡвать вылын вольпасьыс абу.—Часлы,—шуалис сійѡ аслыс,—шѣдлан на тѣ меным.

Асывнас генерал корис ас дінас салдатѡс да сетїс сылы витсѣ шайт сьѡм да тшѡктїс овмѡдчыны мѡд судтаас, а ачыс тайѡс висьталїгѡн думайтїс, кыдзи эськѡ салдатѡс кыйны.

— Вот мый, салдат,—шуис сѣсся сійѡ,—ме пункта коймѡд судта ѡшиньдорѡ зарни тыра ящик, кодї сулалѡ кызьвит сюрс шайт. Сійѡс видзны сувтѡда ѡтар-мѡдар бокае кык салдатѡс, кодъяслѡн кияныс лоас ѣс сабля. Верман гуны—тѣнад ящикыс, он вермы—юртѡ кераласны.

Дыр мѡвпалїс салдат, босьтсьыны абу ящиксѡ гусявны. Ѳд сылы колѡ вѡлі ящиксѡ гуны нѣль син костысь дай кык сабля костысь. Дерт, салдатъясѡс юкталѡмѡн ѡні нинѡм оз артмы, найѡ сы вылѡ оз мунны.

Коли лун, коли рыт, но салдат нинѡм на эз куж думайтны, мый сылы вѡчны, кыдз гуны зарни тыра ящиксѡ генераллысь. Вот муно салдат вичкѡ дїнтї да друг мыйкѡ мѡвпыштїс. „Ѳвлы, ме тѣнѡ, пѡрысь кучи-

кѡс, ворсѡда на ѡтчѡд, велѡда дорѡн узьлыны.—шуаліс аслыс салдат.

Матыстчис салдат вичко дорѡ да ѡградасьыс аддзис вичко стѡрѡжѡс, кодлы вѡлі некодѡс абу тшѡктѡма лѡдзны вичко ѡградаас. Сувтіс салдат ѡграда бердѡ да зѡв наяна кутіс дзоргыны вичко стѡрѡж вылѡ. Стѡрѡж казяліс—салдат ѡграда дорыс ѡз мун, а пыр видзѡдѡ сы вылѡ.

— Мый нѡ тѡд колѡ, служивѡй?—юаліс сійѡ.

— Мем нинѡм... Ме сідзи... Кыськѡ бытѡѡ ме тѡнѡ аддзывлі, зѡв тѡдса морт, а вунѡді нин, кѡні да кор аддзывлі. Тѡ нѡ кѡнѡясын вѡвлін бѡрѡя каднас?

— Ме бѡрѡя каднас вѡвлі Музуй карын, пес пиліті куим-ѡ нѡль во.

— Сѡ мокасѡтѡ! Ме ѡд сѡні жѡ вѡвлі!—горѡдіс салдат, кѡтѡ ачыс и Музуй карсѡ ѡз вѡлі тѡд. Сѡсся сійѡ юаліс:—Тѡнѡ кыдзи шѡѡны?

— Менѡ, шѡѡны Петыр Опоньѡн.

— А-а, сідзкѡ ме тѡнѡ бура тѡда. Помнитан, пес керѡдысьыдкѡд коркѡ чорыда пинясим-вензим?

— Помнита, помнита,—шуис стѡрѡж.

Тайѡ сѡрни бѡрын салдат да стѡрѡж вѡліны нин кыдзи важся другѡяс.

Салдат пыраліс трактірѡ, бѡсьтіс кык доз вина да заводітісны найѡ сійѡс юны ѡжа вылын. Салдат юѡ румка, а стѡрѡжлы сетѡ куимѡс. Регыд гажмис вичко стѡрѡжыд да чорыда унмовсис. А салдат мортлы сійѡ и вѡлі колѡ. Кыскис стѡрѡж зѡпѡясысь ключьысѡ да пырис вичкѡѡ. Видзѡдѡ, а вичкоас куйлѡ кулѡм морт. Салдат дыр ѡз кѡйы, бѡсьтіс кулѡм морттѡ, пуктіс сійѡс пельпом вылас дай мѡдіс генерал керкаланѡ.

Воис салдат генерал керка ѡшинѡ улѡ, шойччыштіс, куритчыштіс, сѡсся сера пос кузя кутіс кайны коймѡд судтаас. Муртса на салдат матыстчис коймѡд судтаса ѡшинѡ дорѡ да чургѡдіс кулѡм мортлысь юрсѡ, часѡвѡйяс ѡт-мѡдарсянѡ сѡтыштісны сійѡс асланыс сабляяснаныс да пыр жѡ мунісны доложитны генераллы, мый салдатлысь юрсѡ лѡи кералѡма.

Салдатлы вѡлі тайѡ и колѡ. Пыр жѡ сійѡ кватітіс зарни тыра ящиктѡ, лѡччис муѡ, бѡсьтіс кулѡм мортѡс,

нуис сійѡс бѡр вичкѡѡ, вичко ключсѡ бѡр сѡйис стѡрѡж зѡптѡ дай мѡдѡдчис гортас.

Тайѡ каднас часѡвѡйяс доложітѡм серти генерал нѡмѡялѡм пырысь локтіс ѡшинѡ дорѡ. Но кор сійѡ аддзис, мый ящикыс абу, дзікѡдз нин скѡрмис:

— Тайѡ нѡ мый? Кѡні нѡ тіян ящикныд?—скѡрысла тіралігтырѡи горзіс генерал, сѡсся сѡні жѡ часѡвѡйяслысь асланыс сабляяснас кераліс юрѡяснысѡ.

Нормис, нюкыртчис генерал татшѡмтор бѡрад, весіг кывѡйыс сылѡн шушкыльтчис. Ѳд сійѡс салдатыд не сѡмын рѡзѡритіс, но и веськыда вѡчис нинѡмѡ став йѡз син водзас. Но вѡчны нинѡм. Муніс генерал кар вылѡ архирей дорѡ да тшѡктіс сылы салдатѡс быдлун асья и ѡбѡдня дырѡи вичко шѡрын ѡрны. Архирей сідзи и кутіс вѡчны. Быдлун сійѡ вичко шѡрын салдатѡс ѡрѡ, быдногѡн лѡкѡдѡ йѡз водзын.

Кывліс та йылысь салдат да зѡв ѡна скѡрмис. Пузис сылѡн вырыс генерал да архирей вылѡ. „Ак ті, вѡрѡюсь горшѡяс, пыдѡстѡм зѡпѡяс. Петкѡдла на ме тіяны ѡрсьѡм“—мѡвпалѡ аслыс салдат. Сѡсся ѡтчѡд сійѡ муніс вичкѡѡ да бѡсьтіс поплысь ыджыдлун дырѡи новлан ризісѡ, пасьталіс сійѡс ас вылас, сѡмѡдысь вѡчис борд да войшѡр гѡгѡр мѡдѡдчис архирей ѡрдѡ.

— Кол крещѡнѡй?—юаліс архирейлѡн гѡтырыс салдат йигѡдчѡм вылѡ.

— Ме, ангел, локті архирей дінѡ, бура служітѡмсьыс катѡдны сійѡс райѡ,—кыліс ывласянь небыдик гѡлѡс.

Архирей гѡтыр зѡв тѡрыба чѡвтіс пернапас, пырис керкаас да чуксаліс архирейѡс:

— Батюшко, батюшко, чеччы ѡдйѡджык, тѡла локтѡма ангел да кѡсйѡ тѡнѡ енлы бура служітѡмсьыс кыпѡдны райѡ.

Архирей тѡрыба чеччис да улыс дѡрѡм-гач кежсьыс петіс ывла вылѡ. Видзѡдѡ да сы водзын збылысь сулалѡ ангел—ризіяса и бордѡяса.

— Вай пыр татчѡ, кучик мешѡкас; мед он усь райд кайигѡн,—шуис архирейлы „ангел“.

Архирей тэрыба, весиг матушка-ыслы эз удит висьтавыны, пырис „ангелён“ лбсьбдём кучик мешокб.

Салдатлы тайб и вблі колб. Сійб топыда кбрталіс кучик мешоктб, чбвтис сійбс пельпом вылас да кайис кблбкбльнича вылб. Тані салдат пуктис ассьыс мешоксб пос помас да мый вынсьыс чужйис. Турки-тарки гбгыльтчис сійб увлань. А салдат мешок гбгыльтчбм вылб видзбдбмбн шуаліс:

— Оти мытарство со и петім.

Сэсся тадзи жб сійб мбд пос помын вбчис да шуис:

— Мбд мытарство петім!

Став „мытарство“ пыр петкбдбм ббрын мешоктб салдат бшбдіс вичко бграда вылб да сэтчб гижис: „Коді кутас таті мунны, сійб должен тайб мешокас, гозысь-мбдысь кучкыны бедьбн“, а архирейлы шуис, мый райбдзыд кайныд сутки гбгбр на тыр-

мас, уна „мытарство“ на ковмас прбйдитны. Та ббрын салдат архирейбс энбвтис.

Аскинас медводз вичко дорті кутіс мунны генерал, аддзис сійб гижбдтб да нбль-б-витысь кучкис кучик мешокб маегбн. Тадзи архирейбс кучкалісны лунтыр, рытбдзыс, а рытнас вблсти казялісны да лэдзисны муртса ловьябс. Гбгбрвоис архирейыд, коді сійбс татшбм бурасб ворсбдіс, но вбчны вблі нинбм. Та ббрын регыд мысти сійб нбжбдіс кокьяссб. Генералбс жб регыд пурбмабсь дурмбм понъяс, код ббрын сійб сідзжб пыр и кулбма. А салдат бні на олб да вылб. Кывлі, мый сійб гбтрасьбма да быдтб ас кодыс жб востер пиянбс.

Чукбртис В. Ермаков.

Изьва район, 1939 во.

ОЧЕРК ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДА КОМИ

А. А. ПОПОВ

Коми—один из древнейших народов, населяющих север Европейской России. Все историческое развитие народа Коми проходило при сотрудничестве с великим русским народом, под сильным влиянием и воздействием русского языка, фольклора и культуры. Язык, фольклор, материальная и духовная культура народа Коми очень многим обязаны великому русскому народу, в них сохранились следы благодетельного тысячелетнего влияния русского языка и культуры.

Древнейшие сведения о крае народа Коми сохранили скандинавские саги и норвежские летописи, в которых рассказывается о поездках скандинавских викингов в Биармию. Под этим названием иноземные грабители-скандинавцы (приезжавшие в край с целью грабежа пушнины и других богатств у плохо вооруженных охотничьих восточно-финских племен) знали места, населенные древними коми и другими восточно-финскими племенами. Само же название произошло вследствие общения скандинавов именно с народом Коми. Название „Биармия“ происходит от коми слов: „би“—огонь, „ур“—белка и „му“—земля, страна. Следовательно, это название означает „страна огненных белок“. Скандинавцы бывали в крае только летом, когда были открыты речные пути. Белки летом имеют шкурки огненно-красного цвета. Белок в Коми крае всегда было очень много. На первых порах развития

обмена денежной единицей всегда становится самый распространенный товар. У Коми таким товаром стала белка. Счет на „ур“ (белка) сохранился и до сих пор. Теперь „ур“ считается за копейку, но по сохранившимся древним названиям денежных единиц видно, что копейка стоила три беличьих шкурки, 2 коп.—семь шкурок, 3 коп.—10 шкурок и т. д. Сто шкурок, вдетых на тонкую хворостинку „шайт“ (теперь это слово означает 1 рубль), стоили 27½ копеек. Все это говорит о том, что край древних Коми был исключительно богат пушниной (в частности—белкой) и этим привлекал аппетиты скандинавских грабителей. Вот почему они и прозвали этот богатый пушной край „Биармией“. Наезды скандинавов в Биармию продолжались с IX века по 1222 г. (О длительности нашествий иноземных грабителей говорит и сохранившийся в коми фольклоре образ Кёрт-Айки, о котором будет сказано ниже). Это могло случиться потому, что разрозненный на мелкие роды, живущий по лесам—местам охоты, плохо вооруженный народ не мог дать организованного отпора чужеземным грабителям. Одновременно с скандинавцами в крае бывали и русские, в частности новгородцы. Бывали они уже с X века, но лишь в XII—XIII веках связи Новгорода с Коми краем стали прочными.

В русской исторической литературе со времен Чулкова (ученый и писа-

тель XVIII века) принято было говорить о Биармии, как о богатом, могущественном государстве. В действительности же это миф, красивая сказка, как правильно указывал еще русский ученый, профессор всеобщей истории Казанского университета И. Н. Смирнов (см. его работу „Пермяки“, 1891 г.).

Новгородцы ввели Коми край в русские летописи под названием Перем, Пермия, Пермь. Под этим же названием он был известен византийским историкам. Византийский историк Хаскокондила, например, говорит о „Permii“, как о „весьма древнем народе“. Название „Пермь“ произошло от коми слова „парма“ — местность, поросшая еловым лесом, также лесной край (русские писатели почти всегда писали о Коми крае, как о крае лесов и охоты. Ф. А. Арсеньев, например, свои работы о Коми крае назвал „Зыряне и их охотничьи промыслы“, 1873 г.; „Охотничьи рассказы“, 1885 г. Рассказы А. В. Круглова о Коми крае назывались „Лесные люди“, 1883 г., П. В. Засодимский (Вологдин) свою книгу очерков о Коми крае назвал „В Зырянском краю“ и „Лесное царство“, 1908 г.).

До последней четверти XIV века „господин Великий Новгород“ был единоличным распорядителем судеб Коми народа. Демократический строй новгородской республики давал возможность краю развиваться своим естественным путем. В крае развивались феодальные элементы (зачастую из пришлых, напр., из оставшихся в крае скандинавцев; таковыми были сохранившиеся в фольклоре Корт-Айка и Ягморт). Эти феодальные элементы вступали в соглашение с татарами-золотоордынцами, зачастую беспокоившими народные массы. На этой почве происходила жестокая борьба между родовой общиной и изменившими ей отдельными сочленами. Поэтому фольклор сохранил образы этих изменников, свое личное благо ставивших выше блага народа, как образы отрицательные, как образы обреченных на гибель (Иркап, Шыпича, Тунныр-Як, Зук и др.). Все антинародные элементы

группировались вокруг касты жрецов древней коми религии. Эти последние были основными представителями феодального начала в Коми крае, и т. к. их корыстным целям не чинили препятствий ни татары, ни новгородцы, то каста жрецов хорошо уживалась и с теми и с другими. Не то было с народными массами: они на себе испытывали тяготы бесконтрольного хозяйничанья пришлых и были на стороне тех „элементов порядка в беспорядке“ (Энгельс), каковыми в средние века являлись представители абсолютизма. В древнем Коми крае таким представителем абсолютизма являлся эмиссар возвышавшейся Москвы Степан Пермский.

Степан, по фамилии Храп, происходил из семьи пономаря одной из церквей города Устюга. Устюг тогда назывался „Великим“ и был богатым торговым городом. Древний Коми край начинался от современного Котласа (по Коми назывался Пырас), расположенного по соседству с Устюгом. Коми охотники часто бывали в торговом Устюге и Степан Храп с детства знал коми язык, знал и существовавшие у коми письмены на дереве — „пасы“. Юношей Степан поступил в один из монастырей Ростовско-Ярославского, бывшего одним из крупных культурных центров Московского великого княжества. Степан был образованным человеком своего времени и горячим патриотом своей родины. А Россия тогда сильно страдала от татарского ига. Все передовые люди России много думали о том, как избавить свою родину от этого позорного и тяжкого ига. Думал об этом и молодой монах Степан. Он видел, что междоусобная борьба русских князей служит на руку татарским ханам из Золотой Орды. Он видел, что великий князь крепнувшей и возвышавшейся Москвы является единственным лицом, кто может явиться организатором сил народов России в их борьбе против татарского ига. Великим князем Московским тогда был умный и храбрый Дмитрий Донской, пользовавшийся поддержкой всех наиболее передовых представителей русского православия.

Живя в Ростовском монастыре, Степан выработал (на основе коми „пасов“—иероглифических письмен на деревянных брусках) коми азбуку и перевел на коми язык богослужебные книги.

В 1381 г. русский народ впервые выступил против татар в открытом бою. Куликовская битва, как известно, окончилась победой Дмитрия Донского над татарами. Эта победа окрылила русских патриотов: она свидетельствовала, что русский народ с успехом может бороться против татарского ига. Степан решил посвятить московского митрополита (а через него и Дмитрия Донского) в свой план еще большего укрепления Московского великого княжества. Он состоял в том, чтобы богатый пушнинной Коми край превратить в колонию Москвы. Центр православия со времен Ивана Калиты был в Москве. Зная положение народных масс в Коми крае (страдавших и от татар и от местных феодалов), Степан был уверен в успехе своего плана и сумел убедить в этом Дмитрия Донского. В 1379 г. он был отправлен миссионером в Коми край, а в 1383 г. назначен епископом Пермским. Центром своей деятельности, а затем центром епархии он избрал село Емдин (Устьвымь, ныне районный центр Коми АССР). Пермским же он назван потому, что в официальных русских документах край тогда назывался „Пермью“. Степану пришлось выдерживать жестокую борьбу с носителями местного феодального начала. Фольклор называет его противниками Ягморта и Кёрт-Айки, а „Житие“ Степана Пермского, написанное Епифанием Премудрым в конце XIV или в начале XV века и являющееся выдающимся памятником древнерусской литературы, называет Пама. Пам был верховным жрецом древней коми религии—служителем „ена“, главного божества этой религии, видимо, солнца. Деятельность миссионера Степана подрезывала под корень эту устаревшую религию и вместе с тем—доходы шарлатанов-жрецов. К тому же, он в голодные годы подкармливал народ привозимым из Ус-

тюга хлебом. Созданные им монастыри (их было пять, в различных углах Коми края: на Печоре, в верховьях Вычегды, Сысолы и в Устьвыми) были культурными центрами: в школах при них обучались коми грамоте, готовились переписчики богослужебных книг и церковные служители. Степан защищал народ от нападения новгородцев и вогулов.

После его смерти епархия стала гаснуть, письменность забываться: из 20 преемников Степана на посту епископов Пермских только первые пять знали коми письменность (сохранилась подпись пятого епископа—Филофея). Последующие епископы предпочитали большую часть времени проживать в Вологде, а в 1572 г. звание епископов Пермских было уничтожено: центр епархии перенесен в Вологду, а Пермская епархия поделена между вологодским и вятским епископами.

Население вычегодского края после этого стало крепостными вологодских и вятских епископов, а коми население Камского края (быв. Пермской губернии, за ним сохранилось древнее название „пермяне“ в виде „пермяки“) стало крепостными графов Строгановых. В 1558 г. Иван Грозный (уничтоживший фикцию князей Пермских) положил основание закрепощению камских коми Строгановыми, а Петр Великий своими указами от 1/VII—1700 г. и 22/V—1702 г. закрепил это положение „на вечные времена“. До реформы 1861 г. пермяки были крепостными Строгановых, а коми население вычегодско-печерского края позже стало „государственными крестьянами“, т. е. до 1917 г. принадлежало царям Романовского дома, как личная собственность. Неудивительно поэтому, что в крестьянских движениях XVII-XVIII в. в. коми принимали активное участие, а в 1830-1861 г. г. было три крупных крестьянских волнения (на Ижме в 1829—1839 г. г., в Устькуломе в 1835—1843 г. г. с кульминационным пунктом в виде захвата власти восставшими крестьянами в 1842-43 г. г.; в 1861 г. в имениях графов Строгановых). Но все они

кончались военным разгромом, пока в октябре 1917 г. русский народ под руководством великой партии Ленина-Сталина не свергнул власти помещиков и капиталистов. Лишь после этого, на основе ленинско-сталинской национальной политики, сбылись вековые мечты народа (коми о свободной, счастливой и зажиточной жизни для всех. А мечта эта жила в сознании народа и ею насыщены коми фольклор.

Письменность Степана была известна немногочисленным представителям коми духовенства да русским переписчикам (ученые обнаружили несколько записок, написанных на русском языке, но пермским алфавитом). Поэтому она так быстро и исчезла, сохранившись лишь на нескольких древних иконах, а из переводов богослужебных книг в 1771 г. академик Лепехин в селе Кибра нашел отрывок евангелия. Это все, что дошло до нас от письменности Степана Пермского. Народные же массы жили своими горестями и нуждами и в фольклоре выражали свои переживания.

Фольклор этот очень многообразен и богат, при чем разные виды фольклорных произведений отражают разные стороны духовной деятельности народа. Так, мифы, легенды, поверья, бывальщины, „народная медицина“ (заговоры и т. п.) сохранили с большой полнотой черты древней религии и мировоззрения народа — жизнедеятельного и трудолюбивого. Предания сохранили образы лиц, игравших ту или иную роль в истории народа. Чаще всего это лица враждебные родовой общине, носители начал присвоения, частной собственности, как Корт-Айка, Ягморт, Зук, Иркап, Шыпича, Тунныр-Як, Бабин. Но есть и положительные образы — людей, которые благо народное ставили выше личного (Перу, Габов). Есть образы, в которых отразилось невыносимое положение народных масс под гнетом царя и помещиков (Ортя). (Все основные памятники коми фольклора имеются в русском переводе, в сборнике „Коми фольклор“, т. I, Архангельск, 1938, г. П

ных выше образах опускается). Песни сохранили воспоминания об исторических событиях прошлого, также свидетельствуя о тяжелых условиях жизни коми народа до Великой Октябрьской Социалистической Революции. Обрядовые песни (плачи) при выдаче замуж (бёрдкыв“) в ярких красках описывают тяжелую долю коми женщины. Эти потрясающей силы художественные памятники обратили на себя внимание русской науки еще в первой половине XIX в. Редактор журнала „Телескоп“, предшественник великого русского критика демократа В. Г. Белинского, известный русский критик Н. И. Надеждин в 1836 г. был сослан в Усть-Сысольск (за напечатание „философических писем“ Чаадаева). Живя в центре Коми края, Надеждин внимательно изучал жизнь народа Коми и в 1839., по возвращении из ссылки, напечатал (в альманахе „Утренняя заря“ В. Владиславлева) статью „Народная поэзия у зырян“. В названной статье Надеждин описывает свои впечатления от исполнения коми „бёрдкыв“ и приводит (в своем переводе) 2 образца их. Статья Надеждина сыграла большую роль: после нее русская наука и литература уже не переставали заниматься народом Коми (работы П. И. Савванитова, Кастрена, Максимова, Рогова, Мартынова, Мельникова-Печерского, Салтыкова-Щедрина, Решетникова, Арсеньева, Абрамова, К. Попова, Дмитриева, Ф. Ежова, Круглова, Засодимского, Северцева — Фантом и друг.). Особенно следует отметить исключительную объективность названных русских писателей в изображении положения народных масс. Буржуазные коми националисты „не замечали“ классов и классовой борьбы в коми деревне и даже в советское время имели наглость отрицать наличие коми кулачества. Между тем, академик Лепехин еще в XVIII веке показал, как народ бился в тисках у коми купцов и кулаков, так же, как и у помещиков Строгановых. Названные выше писатели (продолжая традиции, положенную одним из передовых русских ученых своего времени академиком Лепе-

хиным; есть основания думать, что идеи Радищева были близки Лепехину) исключительно правдиво показывали положение народных масс, страдавших от своей темноты и невежества, от царских чиновников, попов, купцов, кулаков и прочих паразитов народных. Крупные русские писатели также были на стороне масс коми трудящихся. М. Е. Салтыков-Щедрин правдиво показал положение народа Коми и авантюристические мечтания коми буржуа В. Н. Латкина (см. „Губернские очерки“ и „Дневник провинциала в Петербурге“). Ф. М. Решетников с исключительной силой показал, до какого положения были доведены народные массы народа Коми с середины XIX в. („Подлинновцы“. Образы Пилы и Сысойки типично и правдиво показывают положение всего народа Коми, а не только „пермяков“).

Правдивость того, о чем свидетельствовали передовые русские ученые и писатели, подтверждается и коми фольклором. Коми сказки, например, исключительно сильно насыщены ненавистью к царю и его чиновникам, попам, купцам, кулакам и иным паразитам („Дочь солнца“, „Соломенный царь“, „Как солдат подвел скупого мужика и злого царя“, „Как солдат от царя избавился“, „Царская милость“, „Царь Петрован и мужик“, „Макар и семеро братьев“, „Сражайся-приклеивайся“, „Помещик и мужик“, „И лес, и звери барские“, „Добрый исправник“, „Мужик и судья“, „Поп и его батрак Момет“, „Емеля-дурак“ и другие). В пословицах, поговорках, образных выражениях и т. п. также очень ярко отразилась эта ненависть к классовым врагам и угнетателям трудовых масс народа Коми.

Чрезвычайно отродно отметить, что основоположник коми литературы Иван Алексеевич Куратов (1839—1875 г. г.) понял действительные настроения народных масс и именно их (эти настроения) воспринял как „ведущую ось“ своего поэтического творчества.

И. А. Куратов—типичный демократ шестидесятник. Выходец из

семьи сельского дьячка, прошедший бурсацкую „науку“, Куратов не стал служителем культа: он был воспитан на идеях Н. Г. Чернышевского—Н. А. Добролюбова, на традициях свобододобивой поэзии Пушкина, которого очень любили ставил даже выше Некрасова.

Умер 17/XI—1875 г. в гор. Верном (ныне Алма-Ата). Смерть его была ускорена пагубным для северянина (да еще человека со слабыми легкими) пребыванием в климате Средней Азии.

Представление о характере его поэзии дают следующие стихотворения (в подсрочном переводе пишущего эти строки):

1. ТЬМА

В нашей стране темная ночь
Установилась я не знаю с какого
уж времени;
В ночи и люди темны (мрачны),
здесь

Напрасно (бесполезно) искать людей..
Нет, нет, не найдешь! Иные
Хотя и в белой одежде, но и их
Крылатые (летучие) мыши закрыли.

На белое злой Вампир
Жадно набрасывается... и знаю,
До появления зари здесь

В такой темноте я задохнусь.
Все же когда-то взойдет и здесь
Солнце, вижу—уже светлеет вдали..
И небесная роса тогда, братья, заблестит на моей (любимой) земле“.
(1865 г.)

Не трудно видеть родство взглядов автора этого стихотворения с взглядами Чернышевского и Добролюбова (напр. „Темное царство“, „Отец Александр Гавауци и его проповеди“ Н. А. Добролюбова).

В тот отрезок времени, в который проходила поэтическая деятельность Куратова, народ Коми уже не был только этнографическим понятием. Это уже была нация с совершенно четко очерченным разделением на эксплуататоров и эксплуатируемых. К первым принадлежат купцы, нарождавшиеся промышленники, ростовщики, кулаки и часть мелкого царского чиновничества, ко вторым

(т. е. эксплуатируемым)—подавляющее большинство трудящихся коми национальности. И. А. Куратов выражал настроения вторых, их ненависть к существующему строю и вместе с тем—неумение вести сознательную борьбу за изменение этого строя, незрелость их политического мышления. Народность Куратова сказывалась не только во внимательном и любовном изучении положения трудовых масс народа Коми, не только в сочувствии к униженным и обездоленным и ко всему прогрессивному во всем мире, не только в ненависти ко всем носителям мракобесия во всех видах и формах и без различия национальности. Народность его выражалась и в чрезвычайно любовном и бережном обращении с живым языком народа Коми, во внимательном изучении его, работе над толковым словарем, в теоретическом обосновании принципов строительства литературного коми языка и т. п. В своем поэтическом творчестве Куратов опирался на фольклорные мотивы—русские, коми и др. народов. Много сделал он как переводчик (переводил стихи А. С. Пушкина, А. В. Кольцова, Лермонтова, Беранже, Бернса, Сырокомли, Шиллера, Горация, Анакреона и др.).

Первые, т. е. эксплуататоры, тоже имели выразителей своих настроений. Один из них уже упоминался выше. Это—В. Н. Латкин, авантюристически-надувательские „проекты“ которого (по освоению естественных богатств края) были по заслугам высмеяны великим сатириком революционной крестьянской демократии М. Е. Салтыковым-Щедриным (см. выше). Вторым был адъюнкт-профессор Петербургского Университета, лингвист Г. С. Лыткин (1835—1907 г. г.), происходивший из семьи мелких Усть-сысольских торговцев. Деятельность этого ученого сводилась к обслуживанию реакционных запросов Победоносцева и К^о (перевод религиозных книг и т. д.).

Прямым преемником Г. Лыткина является профессор Неврологического Института в Петербурге К. Ф. Жаков (1866—1926 г. г.). Происходил Жаков из кулацкой семьи ближайшего

к Устьсысольску села Вильгорт, где можно было и не знать действительного положения народных масс отдаленных от города сел. А кулацкое происхождение предопределило, что и как ученый он не захотел правильно увидеть и понять положение этих масс. Великой Октябрьской Социалистической Революции в России Жаков не захотел принять и понять: умер белоэмигрантом. Лыткин известен, главным образом, как лингвист, Жаков же—кроме значительного количества философских и публицистических произведений написал (на русском языке) ряд произведений на фольклорные сюжеты и автобиографического характера. В них сказалась вся антинародность и реакционность Жакова, как писателя. Г. Лыткин и К. Жаков являются основоположниками буржуазного коми национализма.

Почетное место в советской коми литературе занимает наш современный поэт орденоносец Михаил Николаевич Лебедев (род. в 1887 г.). М. Н. Лебедев начал писать с 1900 г. До 1912 г. писал и печатался почти исключительно на русском языке, т. к. коми письменности не существовало (даже наследство Куратова было опубликовано лишь после Великой Октябрьской Социалистической революции). В эти годы на средства Архангельского Общества изучения русского Севера было выпущено 2 сборника произведений фольклора и литературы народа Коми, где Лебедев впервые получил возможность заговорить на коми языке. Лебедев—внук проигранного в карты русского крепостного рабочего Нювчимского металлургического завода (в Коммунах АССР), сын волостного писаря, сам также был в „волостном омуте“ (по удачному названию одного из его рассказов) мелкого дореволюционного чиновничества, самоучка (в школе был один год), что не могло не сказаться на широте его культурного горизонта и затрудняло творческий рост Лебедева. Обращение к литературному творчеству было продиктовано Лебедеву чувствами патриотизма и честного служения трудовому народу. Он хотел понять и по своему

осмыслить героическую историю великого русского народа, также прошлое народа Коми на основе фольклора этого народа. Эти две ведущие линии определяют творческое лицо Лебедева, особенно в первый период его писательского пути (до 1905 г.). В 1900—1904 г. г. Лебедев написал (в прозе и в стихах) ряд произведений о героическом прошлом русского народа. Одним из лучших среди них является стихотворение „Памяти великого героя“ А. В. Суворова (в связи со 100-летием со дня его смерти). Одновременно с разработкой сюжетов из истории России, Лебедевым написан ряд произведений на сюжеты из коми фольклора („Ягморт“, „Корт-Айка“, „Атаман Суханов“—Шыпица и другие).

Революция 1905 г. и годы реакции после поражения этой революции помогли Лебедеву глубже понять явления современной ему общественно-политической жизни и тем способствовали переходу его на современную тематику. Так, рассказ „Таня Осинина“ является отголоском событий 1905 г. Рассказ (вернее повесть) „В волостном омуте“ правдиво показывает лицо дореволюционной коми деревни, отданной на разграбление кулакам и чиновничеству.

Начавшимся с 1912 г. подъемом общественного движения в России продиктован переход Лебедева к поэтическому творчеству на коми языке. Из коми стихотворений, написанных Лебедевым в 1912—13 г. г., особенно большое значение имело стихотворение „Бодрее, коми народ!“, призывающее к бодрости и активности, к вере в свои силы и в то, что железной уздой не удастся удержать проснувшегося сознания народом своей силы. Для своего времени это стихотворение было безусловно прогрессивным явлением: оно остро ставило вопрос о сознании народом своего права на строительство своей жизни и судьбы, исходя из веры в собственные силы, а не из наивной веры в бога, царя и его чиновников. Русская культура, история, фольклор и литература всегда вдохновляли творчество Лебедева. Коми фольклор давал ему свои богатства: ни

один другой коми писатель не сделал столько для записей текстов коми фольклора и разработки фольклорных сюжетов, сколько сделал Лебедев.

Грянул великий гром Октября 1917 г. Идеи социалистической революции оказались близкими и понятными народным массам национальности, многовековым национально-колониальным гнетом доведенной до вымирания. Буржуазия и кулачество, как и везде, оказались в лагере контрреволюции, но беднота и средняки пошли добровольцами на фронты гражданской войны. Были целые полки, батальоны и коммунистические роты из трудовых масс небольшой охотничьей народности Севера, Бок-о-бок с представителями великого русского народа и других народов России, сражались и умирали смертью храбрых лучшие сыны и дочери народа Коми. В героические годы военного коммунизма кровью лучших сынов был сцементирован братский союз народов и никакие происки внешних и внутренних врагов не могли поколебать этот союз. Уже в эти великие годы началось осуществление ленинско-сталинской национальной политики. Если за всю предшествующую свою историю народ Коми получил на своем языке не более десятка религиозно-нравственного содержания книг, то за истекшие 20 лет с небольшим ленинско-сталинская национальная политика возродила народ Коми для полнокровной культурно-общественной жизни. В 1918 г. впервые была создана коми письменность. В 1920 г. в гор. Усть-сыольске создано Государственное коми издательство. В 1921 г. создается Автономная область Коми, в 1925 г. Коми-Пермяцкий округ (теперь Пермской области). В каждой из этих национальных формирований народа Коми имеются издательства, выходят на родном языке книги, газеты, журналы, имеется значительное количество писателей. Контрреволюционные буржуазные националисты не мало навредили делу успешного строительства национальной по форме, социалистической по содержанию коми литературы. Но их подлая дея-

тельность вызвала справедливое возмущение народных масс и гнезда контрреволюционных националистов, в частности в литературе, были разгромлены. Колоссальные успехи в деле культурно-политического и хозяйственного возрождения народа Коми нашли свое отражение в Сталинской Конституции. Автономная область преобразована в автономную республику Коми.

Лебедев—один из лучших представителей старой интеллигенции—любил и умел прислушиваться к голосу и настроениям трудящихся масс. Массы были за социалистическую революцию под руководством партии Ленина-Сталина. М. Н. Лебедев был вместе с массами. Хлеб тогда был решающим звеном в вопросе быть или не быть победоносной революции. Для борьбы за хлеб, для борьбы со злым врагом революции—кулачеством—были созданы, по мысли В. И. Ленина, комитеты деревенской бедноты. М. Н. Лебедев был бессменным секретарем комитета бедноты в Корткеросе (где он живет, почти безвыездно, всю свою жизнь). После ликвидации комбедов, Лебедев перешел на работу секретаря нарсуда, где и оставался до последнего времени.

Великая Октябрьская Социалистическая революция в СССР принесла Лебедеву вторую молодость, влила в него новые творческие силы и энтузиазм. Именно за эти годы Лебедев написал все лучшее, что вышло из под его пера. Написал он на коми языке большое количество стихотворений, песен, басен, поэм, оперет и т. д. Много работал как переводчик классиков русской поэзии (И. А. Крылов, А. С. Пушкин и др.). Большой творческий подъем явился следствием большого идейно-политического роста Лебедева. О характере и направлении поэзии Лебедева выразительно говорит его стихотворение. „Если бы я мог“. Поэт здесь мечтает о том, чтобы быть соловьем и полететь туда, где за рубежом рабочие и крестьяне стонут под ярмом рабского труда и тюрьмы. Своими песнями он хотел бы влить в них бодрость для победоносной борьбы

за социалистическое будущее человечества. Человек исключительной скромности, Лебедев без лишних слов делал свое „небольшое“ дело по службе и вооружал народные массы, как поэт народа, бодрыми стихотворениями, песнями и меткими баснями. Басни Лебедева всегда посвящены злободневным темам современности. Одна из последних по времени написания басня „Иван Иванович“, напр., ярко живописует образ националистического прохвоста, болтливо-благодушного директора, своим бездельем сознательно разлагающего дисциплину в руководимом им коллективе сотрудников треста. Вмешательство прокурора положило конец его благодушию и он получил то, что заслуживает каждый из подобных типов.

Из первого поколения писателей советской формации должен быть назван Иван Иванович Сажин (род. в 1903 г.). В своих небольших рассказах он показал целый ряд типичных черт и явлений из быта старой коми деревни—темной, невежественной, забитой и потому верившей в небылицы вроде „шева“ (по воззрениям коми—„шева“—это невидимо-маленькие злобные духи, напускающие на людей тяжелую болезнь). Названные рассказы И. Сажина очень удачны, и большинство—пригодны для детей (он педагог по образованию).

Следует отметить сборник рассказов и очерков И. И. Пыстина „Запань“. Среди произведений сборника наибольшее значение представляют исторические очерки о белогвардейщине в верховьях Печоры. В них показаны образы ряда героических сынов народа Коми, с оружием в руках сражавшихся с белогвардейщиной до последнего вздоха и павших смертью храбрых в неравном бою.

Прозаик Г. А. Федоров (род. в 1909 г.) в своих рассказах и повестях показал лицо коми деревни в годы борьбы за коллективизацию сельского хозяйства и в первые годы внедрения социалистических методов труда на лесозаготовке (Первая часть повести „Утро деревни“, сбор-

ник рассказов „Поворот“, рассказы „Однажды осенью“, „Колхозницы“, „Лесная драма“).

В повести „Утро деревни“ правдиво показано лицо коми деревни, расстановка сил и формы классовой борьбы накануне года великого перелома, показана роль городского пролетариата (Зонов) в организации союза бедноты и середняков для отпора кулаку в целях развернутого наступления на этот последний оплот капитализма в стране. Рассказы, собранные в сборнике „Поворот“, показывают процесс перехода коми крестьянства на колхозный путь в упорной борьбе с кулачеством и его агентурой, начало формирования социалистического отношения к труду у крестьянства. Рассказ „Однажды осенью“ показывает лицо классового врага, разлагающего колхоз изнутри. Пионер Сеня помогает своему отцу вырваться из цепких лап кулака вредителя Пантиля. Сеня—образ одного из тех бесстрашных советских ребят, лучшим выражением которых был Павлик Морозов. Повесть „Лесная драма“ показывает звериное лицо классовых врагов—вредителей в лесном хозяйстве Коми АССР, долгое время орудовавших там и нанесших не малый урон народному хозяйству.

Повесть „Колхозницы“ показывает процесс формирования социалистического сознания у наиболее отсталой части населения коми деревни—крестьянок. В повести правдиво показано, как колхозное хозяйство выращивает забитую крестьянку, учит ее правильно сочетать личное и общественное. Эта же тема разрабатывается в повести „Трактористка Вася“.

Прозаик П. Г. Доронин очень много сделал в деле собирания и публикации коми фольклора. Но он и талантливый рассказчик. Особенно следует отметить небольшой его рассказ „Два патрона“. Это—рассказ о детях периода гражданской войны. Герой рассказа—маленький мальчик Сеня—не успел еще дойти до понимания того, что в мире существуют два противостоящих социальных мира, каждый из которых считает, что

только его правда—действительная правда. Сеня не понял еще правды борьбы угнетенных против своих угнетателей и выдал (за две пустых патронных гильзы и конфетку) на растерзание белым своего отца—коммуниста. Когда Сеня догадался о том, что сделал, он бросился выручать отца и сам погиб. Рассказ очень сильный и умный. Он говорит о том, как иногда родители преступно мало обращают внимания на своих малышей и к каким тяжелым последствиям это приводит. Из таких, как Сеня, при заботливом к ним внимании (если не со стороны родителей, то со стороны пионерской и комсомольской общестственности) и правильном воспитании выходят Павлики Морозовы, которые взрослыми людьми становятся гордыми соколами социалистической родины, такими, как покойный В. П. Чкалов, здравствующие Коккинали, Водопьянов, Молоков, Каманин. В последние годы П. Доронин работает над романом „В сердце пармы“. Роман далеко еще не закончен, но уже из опубликованного видно, что это будет крупным вкладом в коми литературу.

Прозаик В. Юхнин печатается с 1931 г. Был известен, как автор ряда неплохих небольших рассказов. В конце 1938 г. Юхнин выступил с первым большим произведением—повестью. Его повесть „Динельский лесопункт“—это художественный документ о классовой борьбе в коми крае в годы второй Сталинской пятилетки. В ней показано гнусное лицо контрреволюционного коми национализма и бандитского „право-троцкистского блока“. Вся эта свора врагов народа сошлась на вредительской „платформе“ разбитого, но еще недобитого тогда коми кулачества. С предельной полнотой и правдивостью автор показал, как победа колхозного строя и индустриализация лесной промышленности ломают первобытный уклад жизни глухих углов Коми края. Ярko и выразительно показана первобытная глушь лесного края, труд и быт народа—охотника, его мировоззрение, его трудолюбие, честность и в то же время—вся глубина его темноты и

невежества. Вместе с тем, автор показал тот бурный рост нового сознания, какой происходил в массах коми трудящихся за истекшие годы. Сделал это автор не поверхностно-примитивно, по определенному шаблону. Он показал с большой правдивостью и силой, как болезненно сходит короста воззрений и привычек, впитывавшихся крестьянином-единоличником с молоком матери и получавшихся „по наследству“ в течении многих столетий. Автор показал себя большим знатоком психологии мелкого собственника-крестьянина. В то же время, в повести показаны подлинные герои нашего времени, подлинные люди из советского народа-победителя. Эти люди—революционеры в труде и быте. Это—молодежь, воспитанная советским строем, горячие патриоты социалистической родины, они ведут за собой массы крестьянства, и даже старики в конце концов убеждаются, что правда за этой молодежью, олицетворением молодости нашей великой страны социализма и подлинного демократизма.

Проза в коми литературе сейчас уже прочно заняла ведущее место. Вооруженные такими исключительными документами творческого марксизма, как „Краткий курс истории ВКП(б),“ и доклад тов. Сталина на XVIII съезде ВКП(б), коми писатели вообще, прозаики в частности и в особенности, сумеют и в дальнейшем творчески расти, отражать в полноценных и действительно народных художественных произведениях все величие и пафос нашего времени, времени Сталинских пятилеток, Сталинской Конституции, времени небывалого морально-политического единства и дружбы всех народов нашей страны,—страны, где каждый человек и каждый народ имеют возможность развивать все свои творческие силы и способности. Народ Коми не стоит в стороне от этого процесса, и сыны этого народа—советские писатели своими произведениями все более убедительно свидетельствуют об этом. Названная книга В. Юхнина—один из удачных примеров роста талантов из среды советских интелли-

гентов—сыновей и дочерей народа Коми.

Драматургия явилась тем участком, где очень сильно сказалось буржуазно-националистическое вредительство. Вследствие этого, выросший на базе художественной самодеятельности профессиональный коми театр (в 1936 г. в Ленинграде закончила учебу первая группа артистов этого театра; с 1938 г. в коми студии при ГТИ им. Луначарского в Москве готовится вторая группа) испытывает острый репертуарный голод. Писатели еще не проявили должной активности в ликвидации этого голода. На помощь пришли сами артисты. Молодые артисты Ермолин и Дьяконов написали не плохую пьесу „Глубокая запань“. В ней на материале лесозаготовок показывается гнусное лицо контрреволюционного национализма. Пьеса идет в Сыктывкаре и газетные отклики о ней не плохие.

Враги народа из буржуазно-националистического и право-троцкистского блока не мало навредили и в области поэзии. Но среди коми поэтов и тогда было не мало честных людей, для которых любовь к родине неотделима от любви к своему краю и народу, т. к. благосостояние последних стоит в прямой связи и зависимости от благосостояния и процветания великой матери всех народов нашей страны—социалистической родины.

Вполне оформившимися поэтами-лириками являются В. Елькин, Н. Фролов и А. Размыслов, печатающиеся уже в течении многих лет. Наиболее значительными произведениями Фролова будут его поэмы „Домна“ и „1919 год“ на тему о гражданской войне. Опубликованные фрагменты этих поэм свидетельствуют, что их автор уже вполне зрелый мастер, хорошо владеющий поэтической формой. Размыслов к данному времени вырос в крупного лирика, хорошо владеющего техникой и музыкальностью стиха. Некоторые из его стихов прямо напрашиваются для пения („Широкое небо над советской страной“). Стихотворения Размыслова насыщены горячей любовью

к социалистической родине и гордостью делами ее, подвигами народов и отдельных героических сыновей и дочерей многонационального, но морально-политически единого советского народа. Этим же идейным содержанием насыщены и стихи других молодых поэтов (С. Попов, А. Габов, С. Морозов и др.).

Все изложенное выше относится к писателям Коми АССР. Но, как уже отмечалось выше, в составе РСФСР имеется еще Коми-округ, Пермской области.

Население Коми округа значительно отличается от населения Коми АССР, как по быту, так и по языку. Это объясняется многовековой географической разобщенностью и тем, что почти весь современный Коми округ много веков был вотчиной графов Строгановых. Крепостное право, личная зависимость от произвола самодура-крепостника сделали бывших строгановских крепостных еще более забытыми и вымиравшими от нищеты, социальных болезней, темноты и невежества. Но ленинско-сталинская национальная политика и помощь великого русского народа (в особенности пролетарского Урала)—оказали свое благотворное влияние и здесь. Коми округ становится округом сплошной грамотности, культурная жизнь бьет ключом.

Как и в Коми АССР, в коми округе уделяется большое внимание делу популяризации лучших образцов русской классической и современной советской литературы. Пушкин, Щедрин, Чехов, Горький, Фурманов, Шолохов, Николай Островский и др. представители литературы великого

русского народа в коми переводах стали любимыми писателями трудящихся Коми АССР и Коми округа.

Писателям Коми округа теперь уже не приходится (подобно суровому реалисту Ф. М. Решетникову) описывать мученическую жизнь умирающих с голоду Пил и Сысоек („Подлиповцы“).

Советские писатели Коми округа описывают счастливую быль своего народа, как и все народы СССР, получившего все возможности для строительства своей счастливой, зажиточной и культурной жизни.

Наиболее известными писателями Коми округа являются Н. В. Попов и С. И. Караваев. Несколько лет назад они выступили с первыми сборниками стихов и продолжают активно печататься в местных изданиях. Одним из удачных и типичных для данного автора произведений, является стихотворение Н. В. Попова „Лукошко“. Крестьянин вступивший в колхоз, прощается со своей суровой долей полуголодного раба стихий природы и условий нищенского хозяйства единоличника. Олицетворением всего этого и является лукошко из бересты, из которого засевали вручную свои полоски коми крестьяне. Недобрым словом вспоминает при этом крестьянин и деревянную соху, на смену которой приходят мощные советские тракторы—металлические пропагандисты коммунизма среди крестьян, как это предвидел В. И. Ленин еще в первые годы советской власти.

Таков основной круг идей и образов, имеющих в советской коми художественной литературе сегодняшнего дня.

М. Н. ЛЕБЕДЕВЛӨН „БӨРЙӨМ ГИЖӨДЪЯС“

Коми Госиздат, Сыктывкар, 1940-ѳд во, 319 стр. Доныс 10 ш., дерм. перепл.—11 ш.

(Рецензия пыдди)

Сѳветскѳй коми художественнѳй литератураын Михаил Николаевич Лебедев заслуженнѳй лыддьыссьѳ медся тѳдчана писательѳн. Сѳйѳ вуджис ыджыд да плодотворнѳй творческѳй туй. Сы пельпомъяс сайын нелямын вося литературнѳй стаж. Нелямын во сайын, 1900 вося январь тѳлысь сѳйѳ печатайтис роч кыв вылын медводдза художественнѳй рассказ „Иван Голой“. Тасянь и заводитчѳ сылѳн литературнѳй деятельностис.

Великѳй Октябрьскѳй социалистическѳй революция бѳрын Михаил Николаевичлѳн талантыс паськаліс, кыдзи шондѳ югѳръяс улын дзоридз. Сылѳн литературнѳй творчествос— ыджыд вклад сѳветскѳй коми художественнѳй литератураѳ. Сѳветскѳй художественнѳй литература кыпѳдѳмьн гырысь успехъясысь СССР-са Верховнѳй Сѳветлѳн Президиум 1939-ѳд воѳ наградитис Михаил Николаевичѳс „Знак почета“ орденѳн.

Тавося март тѳлысьѳ Коми Госиздат лэдзѳ М. Н. Лебедевлысь сборник- „Бѳрйѳм гижѳдъяс“, кытѳ пырѳны поэтлѳн коми кыв вылын гижѳм кызвын поэтическѳй произведениеясыс. Сборник заводитчѳ водзкывйѳн (автор Юхнин), кѳнѳ вельпыдысянь петкѳдлѳма М. Н. Лебедевлысь быдман, кыптан творческѳй туйсѳ да кѳнѳ сетѳма основнѳй произведениеясыслы донъялѳм. Сы бѳрын мунѳ поэтѳн увлекательнѳй гижѳм автобиография. Сэни сѳйѳ прѳстѳй, кокни кывйѳн повествуйтѳ аслас челядь дырся сѳбкыд вося

йылысь, бать-мамыс йылысь, кодъяс вѳліны Нювчим заводса крепостнѳй крестьянаѳн, аслас быдмѳм да велѳдчѳм йылысь. Квайтымын куим арѳса поэт, аслас челядьдырся кадсѳ казътыліг, курыда иронизируйтѳ аслас велѳдчѳм йылысь. Сѳйѳ гижѳ:

„Сизимѳд ар вылѳ петігѳн менѳ пуксьѳдісны азбука сайѳ... Велѳдыснас лои менам бать. Сылѳн „методыс“ вѳлі салдатскѳй сяма. Асылын, служба вылѳ мунтѳдз, индас вѳлі меным куим буква да висьталас налысь нимъяссѳ (важногѳн на: „аз“, „буки“, „веди“, „глаголь“ и с. в.). Рытын локтас гортѳ, босьтас азбука да кутас менсьым юасьны:—Тайѳ кутшѳм буква? Тайѳ кутшѳм? Дзугся кѳ букванас, зэв чорыда юрѳ зутшкас, мукѳд дырйи весиг бикиньсинмысь петавлас“... Водзѳ сѳйѳ гижѳ, кыдзи пыравліс Устьысолъскѳй городскѳй училищѳ, кѳнѳ велѳдчис второй отделениеын ѳтик во да вуджис третейѳ, во сѳсся сѳбкыд материальнѳй положение вѳсна петис школаысь. Та вылын сылѳн велѳдчѳмыс и помасис.

Автобиографияын М. Н. Лебедев казътылѳ сы йылысь, кыдзи радейтывліс кывзыны волостнѳй правление-са стѳрѳж Пороз Иванлысь мойдчѳмсѳ. „Паджгаса Иван дядь медвойдор-петкѳдліс меным коми кывлысь мичлунсѳ да озырлунсѳ“,—гижѳ Лебедев. Водзѳ Михаил Николаевич описывайтѳ, кыдзи медводзысь заводитлас пробуйтны ассьыс вынсѳ литератураын. Ставнас сылѳн автобиографияыс лыддьыссьѳ ыджыд интересѳн, кы-

дзи художественной биографической очерк.

Сборники произведения ссб печатйтма татшбм пбрядокбн: опереткаяс, поэмаяс, мойдкывъяс, басняс, стихотворениеяс, революциябдз гижбм стихотворениеяс. Кыдзи тыдалб татысь, М. Н. Лебедев эз йбршитчылы кутшбмкб бти жанрб. Сылбн творчествос и жанръяс боксянь, и тематика боксянь зэв разнообразной.

М. Н. Лебедев медводз кыпбдбс коми литератураын опереточной жанр. Тайб сборникас сылбн печатйтма нбль оперетка: „Настук“ (коллективизация заводитчан кадысь), „Мича ныв“ (важ олбмысь), „Тун“ (предание серги) да „Бурань“ (важ коми йбз олбмысь). Лебедевльн опереткаяс торъялбны асланыс, мича да шылыд кывйбн, напевностьбн. Поэт паськыда используйтб народной фольклор, народной мотивъяс. Торъя нин мичаа гижбма оперетка „Мича ныв“, кбнб петкбдлысьсб коми анылбн войдбрсясьбкыд доляыс, сылбн бесправиеныс. Мича нылбс бать-мамыс мырдбн сетбны озыр жбник сайб. Найб пыдди оз пуктыны нывыслысь синвабн кевмысьбмсб. Домостроевской пбрядокъяс чорыда вблб вужъясьбмны важ коми бытб.

Керка бдзбс нбжйбн воссис,
Пбрысь жбник пырис.
Сыкбд вежай, sykбд вежань.
Нывлбн садъяс бырис.
Бать-мам уськбдчисны паныд,
Копыртчисны улб:
Налы озыр зятъяс муса,
Нылыс мед кбтъ кулб.

Мича ныв оз ышты озырлун вылб, оз кбсйы вузавны ассыссьблбмсб. Сйбб вочавидзб батыслы:

Пыр ме олб да и водзб
Ола мырсьысь аныбн.
Оз ков меным озыр вербс,
Колб удал Ваньб.

Мича ныв образын Лебедев петкбдлбс коми уджалысь нывбабалысь важ домостроевской пбрядокъяссысь мездъсыны зильбм. Мича ныв оз на гбгбрво, кутшбмбн колб лоны выль олбмыс. Сйбб мечтайтб сэтшбм олбм йылысь, кбнб мед позис лоны свободнойбн, радейтны ас окота серги,

лоны шудабн да долыдбн. „Настук“ опереткаын Лебедев петкбдлб нин сэтшбм нылбс, кодб аддзб выль, шуда да гажа олбмб туйсб; сйбб мездъсб кулак кабыр улысь да пырб колхозб. Комсомол отсалб сылы сувтны тайб туй вылас.

Опереткасылбн торъя местаяс веськыда вбзйысьбны сывны, сэтшбм найб музыкальнойбс да эмоциональной насыщеннойбс. „Мича ныв“ опереткаысь татчб вайбдам нывъяслысь бти сыланкыс, кодб петкбдлб песенной народной творчестволысь Лебедев вылб влияние:

Свадьба миян пансьбма, пансьбма,
Збылысь-збылысь пансьбма, пансьбма.
Озыр жбник локтбма, локтбма,
Збылысь-збылысь локтбма, локтбма..
Пбрысь жбник кырныш кодб, кырныш кодб,
Збылысь збылысь кырныш кодб, кырныш кодб.
Том невеста гулю кодб, гулю кодб,
Збылысь-збылысь гулю кодб, гулю кодб.

Лебедевльн опереткаяс заслуживайтбны миян республиканской национальной драматеатрлысь внимание, кодбн оригинальной произведениеясысь репертуарыс зэв на ичбт, а опереточной жанр боксянь дзик тыртбм. Лебедевльн опереткаяс кывшутбг вермасны озырмбдны миян театрлысь репертуарсб.

Опереткаяс ббрын сборникин печатйтбма поэмаяс: „Царь дырся олбм“, „Кодб оз уджав, сйбб оз сбй“, „Кык кулак“, „Кыдзи поп ворссис кык мбскбс“, „Батрак“ да мукбд. Аслас поэмаясын Лебедев петкбдлб коми уджалысь йбзлысь революциябдзсьбкыд олбмсб, земскойясбн, станбвойясбн, урядникъясбн, обьезчикъясбн найбс эксплуатируйтбм. „Царь дырся олбм“ поэмаын серпасалбма гблб мортбс, кодб висьталб ас йывсьыс:

Царь дырйи, вокъяс, ме омбля олб,
Сбкыда перйывлб ме кынбмпбт,
Быд югыдкiziaысь биысь моз полб,
Мый лоб вбляыс, сэки эг тбд.

Великой Октябрьской социалистической революция мездбс уджалысь йбзбс царизм иго улысь. Важся беднякы воссис выль югыд олбм:

Онi ме колхозын лосьыда ола,
Отувъя овмөслысь ёнмөда вын.
Гольлунöс вунöдi, няня и сола:
Аддзи ме семьякөд бур оланiн.

М. Н. Лебедев, кызди вöли нин пасйöма вылынджык, бура тöдö устной коми народной творчество. Фольклорнöй мотивъяс серти сылöн гижöма вель уна мойд, кодъясöс лыддян ыджыд интересöн. Сэтшöм мойдъясö, кызди „Корт Айка“, „Бур Ань“, „Яг Морт“ да „Юрка“, кодъясöс печатайтöма сборникын, босьтöма коми героической эпосысь, но эмöсь и бытовой сикаса мойдъяс— „Куимöн“, „Узъысь Вань“.

„Бур Ань“ мойдкывйын автор сувтöдö лыддысьысь синводзö комияслысь зэв важся олöмсö, кор на найö овлисны чомъясын, ветлисны зверь куысь вурöм паськөмөн, перйылисны кынöмпöтсö зверь-пöтка кыйöмөн да кевмылисны Войпель енлы. Съöкыд вöли олöмысь сьöд вөр шöрын олысь пемыд йöзлөн. Унджыкыс тшыгъялисны, и сöмын тунъяс (жрецъяс) лосьыда олисны пемыд йöз шея вылын. Но вот öтпыр локтис Нюрдор сиктö томиник ныв да пырис медся ичöт, медся голь чомъяс. Сылысь кутисны юасыны, кодi сийö да кытысь.

Шондi югöр моз том нывлөн
Озйис сэкi син:
— Лёккөд вермасыны ме петi,
Кытчöдз судзяс вын.
Вывтi уна коми йöзлөн
Чукöрмöма шог.
Тайö шөгсö гажö пöртны
Онi менам мог.

Комияс пуктисны том нывлы нимсö Бур Ань, кодi чуксалiс найöс не кывзыны озыр тунъяслысь пöръясьлöмсö, дугдыны кевмыны Войпельлы, а öтүвтчöмөн заводитны вермасыны лёклы паныд, ас долыд олöм вöсна, корсьны югыд туй. Бур Аньöс синнаныс эз вермыны видзöдны тунъяс. И вот:

Отi арся лунö нора
Шувгис коми вөр,
Евэж зывсянь шливгис-киссис
Йи кодь кодзыд зэр..
Сöмын сьöлбмас Бур Аньлөн
Яра ломзö би.
Парма пытштi сийö мунö,
Оз и кынмы ки.

Корис сийöс ыли сиктö
Гöля олысь йöз.
Он тэ сувтöд сийöс, зэрöй,
Кöть тэ кызди резi..

Друг понöльяс сайысь Бур Ань вылö уськөдчисны куимöн—Войпельлы кевмысь жрецъяс.

Би моз югнитисны черъяс..
Кули ветлысь ныв.
Чужöмбансö сылысь мыськис
Арся кодзыд зэр.
Шувгис сы вылын зэв нора
Бöрдигтырйи вөр..

М. Н. Лебедевлон тайö мойдыс идея сертиыс матын сулалö ломзян сьöлбма Данко йылысь знаменитöй мойдкөд, кодöс гижлис А. М. Горький.

Мойдъяс бöрын сборникö печатайтöма популярнöй басняяс, кодъясöс öнi тöдö пöшти быд миян велöдчысь. Басняяссö гижöма сöветскöй кадся тематика вылö. Найöын автор бичуйтö лодыръясöс („Колхозник Митрöпан“), головотяпъясöс („Миш Васёлөн план“), прогульщикъясöс, трудовöй дисциплина уськөдысьясöс („Иван Иваныч“) да с. в. Лебедевлон басняяс чуксалöны ловы бдительнöйöн.

Коми художественнöй литератураын басеннöй жанрсö Лебедев кыпöдис медся водз, не кö лыддыны И. А. Куратовсö, кодi аслас кадö коми кыв вылö вуджöдлис И. А. Крыловлысь басняяс. Крылов басняяслөн влияниыс бура тöдчö и Лебедев вылö („Налим юква“, „Кöин да мегö“ и с. в.).

Сборникын вель ыджыд места босьтöны стихотворениеяс, кодъяс пиысь юкөнсö гижöма революцияöдз („Ыджыд чери да ичöт чери“, „Тажа тулыс воис“, „Коми збойлун“ да мукöд), кывзынсö жö революция бöрын нин. На лыдын эмöсь кыпыд да збой сыланкывъяс, частушкаяс, бытовой да детскöй стихотворениеяс. Тематика боксян найö зэв разнообразнöйöсь. Найöын Лебедев сылö югыд, шуда да долыд талувъя сöветскöй олöм йылысь („Мед дзирдалас шондi“, „Колхознöй сиктын“, „Январь 12-öд лун“), миян великöй стравалөн ён вынйöрыс йылысь („Римскöй папа шуис тшапа“), чукса-

лӱ вьль уджӱяс вьлӱ („Югдӱс нин, вокӱй“). Лебедевди уна стихотворение, кодӱясдс печатайтӱма тайӱ сборникын, паськыда ӱнӱ бытуйтӱны коми уджалысь йӱз пиын, торйӱн нин вайӱс радейтӱны сьывны том-йӱз („Коми му кузя ме муна“, „Олӱс-вылӱс вӱрын“, „Гажа тулыс воис“ да мукӱд).

Стихотворениеяс разделын ыджыд-кодӱ места босьтӱны детскӱй стихотворениеяс, кодӱясдс гижӱма челядӱлы гӱгӱрвоана кокни да мича кывйӱн. Тайӱ стихотворениеясыс петкӱдлӱны, мый и детскӱй коми художественнӱй литература лӱсьӱдӱмын Михаил Николаевич участвуйтӱс активнӱя да плодотворнӱя. Коми Госиздат ӱнӱ лӱсьӱдчӱ лӱдзны тайӱ детскӱй стихотворениеяссӱ торӱя кнйжкадӱ, бура иллюстрируй-

тӱмӱн да неыджыд донӱн, мед вермисны ньӱбны челядӱяс.

Коми уджалысь йӱз, миян школаяс важӱн нин вӱлӱ виччысьӱны М. Н. Лебедев произведениеяслысь сборник. ӱнӱ сӱйӱ петӱ. Коми советскӱй художественнӱй литература озырмас вьль ценнӱй кнйгадӱн, кодӱс колӱ рекомендуйтны унджык экземплярӱн судзӱдны быд школалы, быд библиотекалы да изба-читальнялы. Поэт-орденоносецлысь тайӱ „Бӱрӱм гижӱдӱяссӱ“ колӱ паськыда пыртны масса пытшкӱ. Та боксянь миян Книгосбытлы да кооперативнӱй организацияяслы, кодӱяслӱн могыс не куйлӱдны кнйгаяссӱ складӱясын да прилавокӱяс сайын, а вайӱдны массаӱдз, ковмас петкӱдлӱны ӱнӱдз серти ыджыдджык инициатива да тӱрыблун.

Г. Ф.

СОДЕРЖАНИЕ

Уджалысь йӧзӧс мездан армия	3
И. Вавилин. Фронтсянь письмӧ (стих)	12
М. Лебедев. Мы под защитой железной стены (стих)	13
Г. Пунегов. Советской танк (стих)	14
Ф. Истомин. Присяга (стих)	—
Сергей Морозов. Бур туй тэд, муса друг (стих)	15
Я. Семенов. Западной Белоруссиялӧн туйяс кузя	16
А. Филиппов. Урожай лун (стих)	22
Иван Вась. Варов Елесь (басня)	23
М. Лебедев. Фома Лёкмортон (рассказ)	24
И. Вавилин. Сын ордын (челядьяслы стих)	35
Иван Вась. Атака (челядьяслы стих)	37
М. Отев. Рытлань	38
М. Шестаков. Политруклӧн отсасысь (челядьяслы висьт)	39
Салдат да генерал (мойд)	44
А. Попов. Очерк истории литературы народа коми	48
М. Н. Лебедевлӧн „Бӧрйӧм гижӧдъяс“ (рецензия пыдди)	59

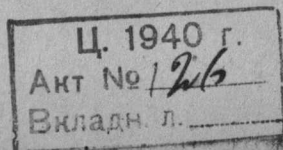
Отв. редактор Н. А. Улитин.

Техн. редактор О. Размыслова.

Обложка художн. М. Безносова.

Уполн. Главлита № 888. Заказ № 486. Издание № 1. Стат. формат бумаги 72×108, 1/16
печ. листов 4,0. 66000 знаков в п. л. Тираж 1000 экз. Сдано в набор 3/II-40 г.,
подписано к печати 13/III-40 г.

Типография НКМП, Коми АССР, г. Сыктывкар, Дом печати.

СУДЗӖДӖЙ, ЛЫДДӖЙ! ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ДА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОМИ ЖУРНАЛ „УДАРНИК“

ЛЭДЗӖ КОМИ АССР-са
СӖВЕТСКОЙ ПИСАТЕЛЬСЛӖН СОЮЗ

Журнал „УДАРНИК“ петӖ быд тӖлысын ӖтчӖд.

Журналын печатайтсӖны партийной да сӖветской руководящей материаляс, общественно-политической, исторической да научной вo-просьяс кузя статьяяс.

1940-Ӗд воын журналын лӖб печатайтӖма коми художественной выль произведенийяс татшӖм авторьяслыс: В. Юхнин—„АлӖй лента“ (романлӖн продолжение); М. Н. Лебедев—„Кык тун“ (фольклорной ма-териал вылын исторической пьеса, выль стихотворениеяс); Я. Рочев—„Кык друг“ (повестлӖн продолжение); П. Доронин—„Остапов“ (граж-данской войнаса герой йылысь пьеса), „Парма сьӖлӖмын“ (романлӖн про-должение); Н. Дьяконов да С. Ермолин—„Устькуломской восстание“ (трагедия); Н. Заболоцкий—„Кык шуд“ (пьеса), выль повесть; И Пыс-тин—„Важся ягын“ (пьеса); Н. Фролов—„Шыпича“ (фольклорной ма-териал вылын гижӖм драма). ЛӖб печатайтӖма выль рассказяс да стихотворениеяс А. Шамановлысь, М. Шестаковлысь, Ф. Щербаков-лысь, Ан. Размысловлысь, А. Габовлысь, В. Елькинылысь, С. Морозов-лысь, И. Можеговлысь, Г. Федоровлысь, С. Поповлысь, В. Ермаков-лысь да мукӖдлысь.

„УДАРНИК“ журналын печатайтсӖны народной творчествоыс произведенийяс: мойдъяс, сыланкывъяс, частушкаяс да с. в. Печа-тайтсӖны комибн сӖветской да иностранной художественной литера-тураыс медтӖдчана произведенийяс.

Журнал „УДАРНИК“ колӖ судзӖдны быд библиотекалы, клубы, лыддысян керкалы, гӖрд пельӖслы, школалы, сӖветской да партийной учреждениелы.

Журнал „УДАРНИК“ колӖ судзӖдны да лыддыны рабочӖйяслы, колхозникъяслы, вӖрлӖдзсыяслы, велӖдчысыяслы, культурной да науч-ной работникъяслы.

„УДАРНИК“ журналлӖн 1940-Ӗд во вылӖ подписной доныс:

3 тӖлысь вылӖ 4 ш. 50 ур.
6 тӖлысь вылӖ 9 ш.
12 тӖлысь вылӖ 18 ш.

Подписка босътсӖ „СоюзпечатьӖн“ быдлаын—поштовӖй отделе-ниеясын, письмоносецъясӖн.

Торъя номерлӖн доныс 1 ш. 50 ур.

Коми АССР-са СӖветской ПисательслӖн Союз.